

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ ЛОРДА БАЙРОНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПЕРЕВОДЪ Н. А. МАРКЕВИЧА.

ЛЕЙПЦИГЪ:

Ф. А. ВРОСКНАУС.

1862.

I.

Герой мнѣ нуженъ! право, странно —
Какъ для меня героевъ нѣтъ,
Когда — что день — труба газетъ
Ихъ превозноситъ безпрестанно.
Конечно послѣ, вѣкъ-другой,
Найдутъ, что это не герой.
Такихъ людей я пѣть не стану:
Я лиру посвящу Жуану —
Прослаблю друга моего.
Мы видѣли, его заранѣ
Послали къ чорту ничего!
Я стану пѣть о Донъ-Жуанѣ.

II.

Мясникъ извѣстный Кумберландъ,
Говъ, Гевкъ, Вернонъ, Принцъ Фердинандъ
Вольфъ, Гремби, Кепель и Бургоннъ —
Тотъ благородень, тотъ подлець,
И все-же каждый, наконецъ,
Явился похвалы достоинъ,
И каждый въ родинѣ своей

Быль вывѣской, какъ Веллслей.
 Щитая жизнь и смерть забавой,
 Ища извѣстности пустой,
 Они весь вѣкъ гнались за сла
 Все дѣти матери одной.
 Французамъ, Пѣвцамъ — участь таж
 Клоотць, Дантонъ и Ланнъ и даже
 За тысячу, мы видимъ, лицъ
 Берутъ въ „Debats“ по сто страницъ.
 Тамъ каждый вознесенъ по мѣрѣ;
 Отъ славы люди въ забыгѣ;
 И Бонапартъ и Дюмурье
 Имѣютъ мѣсто въ „Монитерѣ“.

III.

Барнавъ, Бриссо и Лафайетъ,
 Мара, Песьонъ и Кондорсетъ —
 Ихъ слава ходитъ повсемѣстно,
 Ихъ имя каждому извѣстно.
 Есть очень много и другихъ
 Людей безчестныхъ и честныхъ,
 Которыхъ имя не забыто
 И лаврами чело увито.
 Моро, Жубѣръ, Дезе, Марсо
 Прославлены народнымъ плескомъ,
 Увѣчаны хвалой и блескомъ,
 И въ храмъ вѣчности . но

Нуждаясь не въ такомъ героѣ,
Я оставляю ихъ въ покоѣ.

IV.

Британскимъ Марсомъ былъ Пельсонъ;
И пылъ Марсомъ былъ - бы онъ,
Да ходъ вещей перемѣнился:
Все иначе и все не такъ;
Теперь ничто уже морякъ.
Въ Нельсона урнѣ погрузился
И Трафальгаръ. Время рѣка
Уноситъ быстро все въ природѣ.
Теперь ужъ не морскія въ модѣ,
А сухопутныя войска.
Его величество ужасно
Солдатъ и коней полюбилъ,
Пельсона жъ, впрочемъ и напрасно,
Съ Дункапомъ, Говомъ позабылъ.

V.

Съ Агамемнономъ, развѣ, мало
Достойныхъ родилось людей?
И послѣ, развѣ, не бывало
Великихъ мудростью своей
И знаменитостью? Къ тому - же,
О сходствѣ лицъ не говоря,
Вѣдь были многіе не хуже

Микены славнаго царя.
 Но не печатались газеты,
 О нихъ не вспомнили поэты,
 И позабыль ихъ цѣлый свѣтъ.
 Я никого не упижаю;
 Но лучше Донъ-Жуана,
 Героя для поэмы нѣтъ.

VI.

Горацій, тотъ что очень ѣдко
 Насъ судить, но имѣеть вѣсь,
 Сказалъ что эпика не рѣдко
 Впадаютъ *in medias res*:
 Герой подъ видомъ эпизода
 О томъ что было говорить,
 И пообѣдавши сидитъ
 Въ саду, подъ липкой огорода,
 Съ любовницей иль во дворцѣ,
 Начало ставя на концѣ.

VII.

Но это такъ обыкновенно.
 Любя началомъ начинать,
 Хочу не ту методу взять:
 Къ концу дойду я постепенно;
 Хотя бы въ полчаса, хоть въ часъ,
 Со всѣми познакомлю васъ.
 Мнѣ должно — къ исполненью плана —

Вамъ и объ матери Жуана
И объ отцѣ поговорить.
Сюда не входятъ отступленья;
И съ вашего я позволенья
Намѣренъ къ дѣлу приступить.

VIII.

Жуанъ былъ родомъ изъ Севилы.
Ахъ, какъ окрестности тамъ милы!
Въ отчизнѣ пламенной его
Прелестны горы и долины,
Но, ахъ! прелестнѣе всего
Красавицы и апельсины.
Какъ жалокъ тотъ, народъ сказалъ,
Кто вѣкъ въ Севильѣ не бывалъ!
И это тамъ твердятъ всечасно,
А гласъ народа — Божій гласъ .
Въ Севильѣ побывать прекрасно —
Я въ этомъ увѣряю васъ.
Воображенъе разогрѣто
Пылающей красою тамъ;
Хоть Кадиксъ, можетъ быть но это
Рѣшить предоставляю вамъ.

IX.

Его родитель Жозомъ звался —
Донъ-Жозомъ: онъ гидальго былъ.

Кто благородствомъ съ нимъ равнялся?
 Сей мужъ, какъ предки, не любилъ
 Исполнительныхъ смѣшаній
 Съ испанскимъ чуждыхъ поколѣній.
 Сей славный мужъ происходилъ
 Отъ Готѳовъ истинно испанскихъ.
 Онъ ставилъ родъ важнѣй любви;
 И не было въ его крови
 Израильскихъ иль мавританскихъ
 Частицъ. Вы можете судить
 Каковъ былъ Жозъ, отецъ Жуана;
 Отецъ Но погодите: рано
 Еще объ этомъ говорить.

X.

А мать по пальцамъ все науки
 И все таланты перечла,
 Въ Лоретту ѣздила отъ скуки
 И умной дамою слыла.
 Въ ней дарованья все являлись;
 Съ ея ученостью равнялись
 Лишь добродѣтели ее.
 Предъ ней ничтожество свое
 Враги публично находили;
 И зависти скрывая видъ,
 Другъ другу громко говорили,
 Что всемъ она сосѣдямъ стыдъ

XI.

У ней была не память — чудо,
 Неизчерпаемый родникъ
 Монтень сказалъ что это худо;
 Но въ этомъ онъ не правъ, старикъ.
 Лопецъ-де-Вегу, Кальдерона
 Такъ изучила наша Дона,
 Что еслибъ иногда актеръ
 Запутался, понесъ бы вздоръ —
 Она-бъ суфлера роль сыграла,
 И все безъ книги-бъ подсказала.

XII.

Изъ всѣхъ наукъ какія есть
 Къ математическимъ пристрастна,
 Поступками измѣривъ честь,
 Къ порокамъ женскимъ не причастна,
 Умомъ аттическимъ сильна,
 Великодушія полна,
 Какъ рыцарь строго-благородна,
 Какъ вѣтеръ мыслию свободна,
 Она парила до небесъ.
 Въ ней умъ могучъ былъ и отваженъ,
 Рѣченій смыслъ двойкъ и важенъ,
 Короче — чудо изъ чудесъ.
 Не знаю по какой причинѣ
 Она рядилась поутру

Въ камлотъ — и въ бархатъ ввечеру,
 Ходила лѣтомъ въ муселинѣ,
 Зимой въ матеріяхъ другихъ —
 Инымъ названье очень чудно,
 Но подобрать мнѣ риѣмы трудно —
 И такъ я умолчу о нихъ.

XIII.

Она латынь довольно знала
 И *pater noster* весь читала.
 Хоть въ греческомъ не такъ она,
 Какъ говорятъ, была сильна,
 Но, какъ строку Лопецъ-де-Веги,
 Она отъ альфы до омеги
 Всю азбуку, какъ дважды два,
 Прочла-бы вамъ по-крайней-мѣрѣ,
 И знала наизусть едва
 Не строчку цѣлую въ Гомерѣ.
 Въ ученье вдавшись глубоко,
 Хоть выговоръ имѣлъ изъязы,
 Она французскіе романы
 Читала — это не легко.

XIV.

Еврейскій, англійскій любила,
 И въ корень такъ узнала ихъ,
 Что аналогію открыла

Большую очень въ обоихъ;
 Она намъ это подтвердила
 Отрывками изъ книгъ святыхъ;
 А я предоставляю свѣту
 Какъ истину отвергнуть эту.
 Превыше будучи всего,
 Она изъ виду ничего,
 Какъ кажется, не проронила.
 И глядя на весь міръ вблизи,
 Она и золото въ грязи
 И пятны въ солнцѣ находила;
 Въ средѣ неизмѣримыхъ думъ
 Являла намъ изящный умъ . . .
 Короче — всѣмъ была задачей;
 Ее нельзя было понять —
 И можно бы ее назвать
 Энциклопедіей ходячей.

XV.

XVI.

А доблести! Ну, какъ ихъ счесть?
 Одно сравненье съ ними есть —

И вотъ оно: изъ переплета
 Вдругъ появившіеся въ свѣтъ
 Разказы миссъ Эджвортъ; иль нѣтъ:
 Тотъ трудъ миссъ Треймеръ, гдѣ забота
 О воспитаньи такъ видна;
 Иль нѣтъ: Целебсова жена,
 Что вѣкъ свой по міру искала
 Любовниковъ. Тверда какъ сталь —
 Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь она узнала —
 Была двуногая мораль.
 И какъ въ моголовомъ алмазѣ,
 Такъ въ этомъ драгоценномъ стразѣ
 Цельзя было пороковъ зрѣть:
 Они съ Инезою не знались;
 Они другимъ въ удѣлъ достались,
 Что хуже, чѣмъ ихъ всѣхъ имѣть.

XVII.

Она была всесовершенна,
 Недостижима, несравненна.
 Изъ новыхъ ни одной святой
 Я въ жизни не встрѣчалъ такой.
 Узнавъ, что всѣ соблазны ада
 Для ней пустякъ, что ей не нада
 Совѣтовъ противу чертей,
 Хранитель - Ангель, долго въ ней
 Проживши, крѣпко испостился

И съ ней навѣки распростился.
 Да и къ чему бѣ онъ жить въ пей сталь,
 Когда рѣшительно узналъ
 Всю бесполезность гарнизона?
 Движенья мудрой сей жены
 Всѣ были такъ разочтены,
 Какъ въ хронометрахъ Гаррисона —
 О, это чудный въ жизни даръ!
 Такъ! съ этой дамой въ цѣломъ свѣтѣ
 Было сравненье напредѣтъ
 Одно лишь: Huile de Macassar.

XVIII.

И такъ я снова повторяю:
 Я дамы ни одной не знаю
 Столь совершенной какъ она.
 Но совершенство въ мѣрѣ глупо.
 Давно подлунная страна
 Ужасно какъ развращена.
 У насъ на добродѣтель скупы,
 И совершенство здѣсь — бѣда.
 Вѣдь наши праотцы тогда
 Амуриться понаучились,
 Когда съ Эдемомъ распростились;
 А тамъ, въ Эдемѣ, Боже мой!
 Тамъ вѣкъ былъ точно золотой:
 Блаженство, миръ, невинность вѣчно

Да какъ - же, *sacrebleu*, они
 Свои тамъ провождали дни?
 Донъ Жозъ былъ евншъ внуку конечно;
 И такъ, вы знать о томъ должны,
 Что онъ, какъ говорятъ иные,
 То тамъ, то сямъ со стороны,
 Срывалъ плоды коё-какіе
 Безъ позволенія жены.

XIX.

Онъ человекъ былъ беззаботный,
 Учености онъ не любилъ,
 Всегда ученыхъ обходилъ,
 Всегда ихъ слушалъ не охотно.
 Бывалъ гдѣ вздумалось, а тамъ —
 Пускай досадуетъ *madame*.
 Но въ свѣтъ это заведенье,
 Чтобъ вѣчно злое утѣшенье
 Искать въ семейственной войнѣ,
 Иль въ государственной. Но мнѣ,
 Мнѣ сплетни, право, наказанье;
 Я ненавижу воплей, слезъ . . .
 И такъ сказали, что донъ Жозъ
 Взялъ въ домъ къ себѣ на содержанье
 Любовницу. Другой билъ слухъ,
 Что онъ любовницъ держитъ двухъ;
 Но мнѣ невѣрится невольно:

Ихъ двѣ, да третяя жена —
 И для кармана это больно,
 Къ тому-же и одной довольно,
 Чтобъ завелась въ семьѣ война.

XX.

Инеза-же, какъ это видно,
 При всѣхъ достоинствахъ своихъ,
 Высоко оцѣняла ихъ.
 Сносить презрѣнiе обидно
 Отъ мужа. Должно быть святой,
 Чтобъ не встревожиться душой.
 Инеза и была святая,
 Вполнѣ святая; но — бѣда —
 Чортъ знаетъ — голова такая
 Была дана ей, что всегда
 Съ мечтами истину мѣшала.
 И Дона радовалась дню,
 Когда случайно успѣвала
 Поймать супруга въ западню.

XXI.

А это впрочемъ такъ возможно:
 Какъ не поймать того стократъ,
 Кто безпрестанно виновать,
 И виновать неосторожно?
 Что говорить? Я знаю, какъ

Не трудно попадать въ прѣсакъ.
 Есть дни, въ которые невольно
 Бываетъ записной хитрецъ
 Женой прихлопнуть, какъ глупецъ.
 А иногда ужасно больно
 Дерутся дамы. Ахъ, друзья,
 Не разъ дубиной опахало
 Въ рукахъ хорошенькихъ бывало!
 Когда и какъ — не помню я.

XXII.

Грѣшно воспитанныхъ научно
 Двицъ за нѣукъ выдавать,
 За тѣхъ, кому и слушать скучно,
 Не то еще чтобъ толковать
 О философіи. Простите,
 Я не философъ, я добрякъ,
 Я не женатъ, я холостякъ.
 И такъ, признайтесь, не солгите!
 Сказать вы правду мнѣ должны,
 Вы, господа, которыхъ жены
 Метафизически учены —
 На комъ въ семьѣ у васъ штаны?

XXIII.

Донъ Жюзь поссорился съ женою —
 За что? — ни кто о томъ не зналъ

Но збродь услужливыхъ толпою
 Вмѣшаться въ ссору пожелалъ.
 Кажись, кому какое дѣло
 Во все такъ вмѣшиваться смѣло!
 Я любопытства не терплю —
 Страсть эта можетъ все изгадить;
 А я, напротивъ, я люблю
 Сосѣдамъ мировую сладить,
 За тѣмъ что нѣтъ своихъ хлопотъ,
 Что нѣтъ семейственныхъ заботъ.

XXIV.

И съ доброю мнѣ лишь сродной,
 И съ цѣлюю чистой, благородной,
 Я ихъ мирить хотѣлъ; но нѣтъ!
 Я думаю въ нихъ чортъ вселился —
 Лишь понапрасну я трудился;
 Приду — „нѣтъ дома“ — мнѣ въ отвѣтъ.
 Потомъ узналъ я подъ рукою
 Какой разъ случай былъ со мною:
 Однажды выплеснулъ Жуанъ
 Мнѣ на голову — что такое —
 Не знаю, только не помни
 И не горшокъ, а цѣлый чанъ.

XXV.

Жуанъ повѣса былъ курчавый
 И въ полномъ смыслѣ негодай;

Такой, мерзавецъ, былъ лукавый
 Какъ обезьяна. Не значай
 Когда отецъ и мать чертенка
 Мирились — это для того
 Чтобъ пуще бáловать его.
 Благоразумиѣ-бъ ребенка
 Гдѣ либо въ школѣ помѣстить;
 Или бы пусть рѣшились сами
 Вспороть мальчишку розгачами,
 Чтобъ научился въ свѣтъ жить.

XXVI.

По-истинѣ, все это время
 Имъ жизнь была не жизнь, а бремя.
 Какъ тягостны имъ были дни!
 Имъ не хотѣлось бы развода;
 Другъ другу смерти-бы они
 Желали; впрочемъ для народа
 Они всегда какъ мужъ съ женой
 Вели себя благопристойно;
 Въ семьѣ казалось все спокойно;
 Никто не вмѣшанъ былъ чужой,
 И скрыто было все; но вскорѣ
 Случилась вспышка — и тогда
 Вдругъ обнаружилась вражда,
 И всякъ участие принялъ въ ссорѣ.

XXVII.

Однажды поутру, чуть свѣтъ,
 Весь медицинскій факультетъ
 Созвала дона. Ей хотѣлось,
 Чтобы консильумъ докторовъ
 Призналъ, что Жозъ нашъ не здоровъ,
 Что все въ мозгу его вертѣлось,
 Что онъ съ разсудкомъ не въ ладу.
 Но у него, какъ на бѣду,
 Минуты свѣтлыя бывали.
 Болѣзни-то не доказали —
 И только бѣдная жена
 Сказать была принуждена,
 Что сердце у него дурное.
 Когда жь спросили: почему?
 Она сказала: „потому,
 Что дѣло у меня святое,
 И что меня лишь, такъ сказать,
 Любовь ко ближнему и къ Богу
 Въ такую привели тревогу,
 Принудя этакъ поступать.“

XXVIII.

Она вела журналъ забавный,
 Въ который каждая вина
 Донъ - Жозова рукой исправной

Донъ - Жуанъ.

Была немедля внесена.
 Пакеты, книжечки хранила,
 Въ которыхъ кое-что таила —
 Все про него. Къ его стыду
 Всѣ это знали — городъ цѣлый,
 Не исключая посѣдѣлой
 Прабабки, что была въ бреду
 Отъ старости. Всѣ повторяли
 Доносы. Мужнины друзья
 Жены ходатаями стали;
 И инквизиторъ и судья
 Выѣшались въ дѣло для расправы:
 Кто мстить желалъ, кто изъ забавы.

XXIX.

И кротости и доброты
 Примѣръ почтенія достойный,
 Инеза, съ гордостью спокойной
 И съ благородствомъ правоты,
 Донъ-Жоза горькія печали
 Снесла. Спартанка! Такъ онъ,
 Мужей теряя на войнѣ,
 Именъ ихъ ввѣкъ не вспоминали.
 Неколебимая, она —
 Вы согласитесь въ этомъ сами —
 Проклятьями и клеветами
 Могла-ли быть удручена?
 Она съ рѣшимостію твердой

Глядѣла какъ донъ-Жозъ страдалъ —
 А свѣтъ, дивясь дамѣ гордой,
 „Великодушная!“ кричалъ.

XXX.

Да! Такъ! Терпѣнье — вещь святая.
 Вотъ философія прямая.
 Кто чувство выпрениый найдетъ,
 Какъ кроткое друзей смиренье,
 Когда весь городъ въ изступленьи
 Анаемъ васъ предаеть?
 Бывъ добродѣтели послушнымъ,
 Жизнь безпорочную ведя,
 Какъ сладко слыть великодушнымъ,
 До тайныхъ цѣлей доходя.
 За поведеніе такое
 Ужели васъ осудить свѣтъ?
 Ну что — по совѣсти — въ немъ злое?
 Въдъ malus animus въ немъ нѣтъ.
 Я знаю самъ и всѣ то знаютъ,
 Что месть порочна и гнусна;
 Но васъ другіе обижаютъ,
 Отнюдь не я. Моя-ль вина?

XXXI.

Къ тому-же, если эти ссоры
 Старинныя пробудятъ вздоры,

Съ придачею невинныхъ лжей,
 Съ растущимъ не по дню — по часу
 Разказомъ кумушекъ въ прикрасу —
 Въдъ въ этомъ нѣтъ вины моей!
 Все это — прежнихъ лѣтъ преданье,
 Давно-прошедшее дѣянье
 Чего жь его не воскресить?
 Пускай-же такъ тому и быть.
 Извѣстно-ль вамъ, что это часто
 Служить въ насъ можетъ для контраста,
 И намъ достоинства придать.
 Чего-же болѣе желать?
 Не думайте что трудъ напрасный
 Возобновленье сплетень; нѣтъ!
 Соблазны, вѣрьте мнѣ, сюжетъ
 Для анатоміи прекрасный.

XXXII.

Друзья хотѣли ихъ мирить,
 Потомъ вмѣшались ихъ родные:
 Пропало все! Чему-же быть,
 Когда мирители такіе?
 Вопросъ претрудный: кто изъ нихъ
 Полезнѣй службою своею;
 А я я говорить не смѣю
 Ни за друзей, ни за родныхъ.
 Законовѣдцевъ — этихъ пьявокъ

Кровососательный народъ —
 Хотѣлъ устроить имъ разводъ;
 Но, какъ на зло, во время справокъ
 О тяжёбныхъ издержкахъ, вдругъ
 Скончался не взначай супругъ.

XXXIII.

На зло, сказалъ я, онъ скончался —
 И въ-самомъ-дѣлѣ что на зло.
 Хотя понять ихъ тяжело,
 Но я сто разъ освѣдомлялся
 У лицъ испытанныхъ въ дѣлахъ,
 И хоть они въ своихъ словахъ
 Всегда темны и осторожны,
 Но все понять мнѣ было можно,
 Что тяжбы славной судъ лишень.
 И публика тутъ показала
 Чувствительность: она страдала —
 Былъ публикой оплаканъ онъ.

XXXIV.

Но, ахъ! онъ умеръ! съ нимъ зарыта
 Въ землѣ пожива для судей!
 И за дѣлами позабыта
 Была чувствительность людей.
 Домъ проданъ былъ; слугъ распустили;

Одну любовницу взялъ жидъ,
 Другую попъ. Попу - то стыдъ;
 Но это всѣ мнѣ говорили.
 Осталось съ бѣдию вдовой
 Страданье ненавистью злой.
 Я спрашивалъ что за припадки
 Имѣлъ онъ? докторъ мнѣ сказалъ,
 Что отъ трехдневной лихорадки
 Въ желудкѣ бѣдный пострадалъ.

XXXV.

Повѣрьте въ томъ его знакомству
 Весьма короткому сомной,
 Что былъ онъ человекъ честной.
 На что передавать потомству
 Всѣ слабости? Да впрочѣмъ ихъ
 Донъ - Жозъ и не имѣлъ другихъ.
 И ежели его отчасти
 Далеко увлекали страсти,
 И ежели когда подъ часъ
 Его таинственныя думы
 Живѣе были чѣмъ у Нумы,
 Котораго зовутъ у насъ
 Помпилиемъ — то въ оправданье
 Есть много что сказать ему:
 Во -первыхъ, Жозу воспитанье
 Дурное дали; а къ тому

Покойникъ желчью отъ природы
Страдалъ во время непогоды.

XXXVI.

Но впрочемъ такъ или не такъ,
Какіе-бъ ни имѣлъ пороки
Или достоинства бѣднякъ,
Судьбы завистливой уроки
Онъ тоже получилъ. И пусть
О томъ подумаетъ, кто можетъ,
Жить каково, когда насъ гложетъ
Такая скорбь, такая грусть.
Онъ безъ семейства, въ одинокомъ
Дому остался; честь — съ упрёкомъ;
Нѣтъ друга, съ кѣмъ бы раздѣлять
Могъ чувства сердца и утраты;
Раздроблены его пенаты,
И вѣкъ надъ ними доживать!
Въ немъ самолюбіе страдало;
Онъ былъ печалью удрученъ;
Ему грозили съ двухъ сторонъ:
Тутъ парчевое покрывало,
Тамъ doctors commons умеръ онъ.

XXXVII.

И такъ любезный другъ скончался;
Съ земли на небо былъ онъ взятъ

Какъ говорится *intestat*.
 Жуанъ наслѣдникомъ остался;
 А какъ онъ былъ неполныхъ лѣтъ,
 То все наслѣдство взялъ совѣтъ
 И отдалъ матери въ опеку;
 И все, доходъ съ земель, домовъ,
 Щотъ капиталовъ и долговъ,
 Что молодому человѣку
 Досталось отъ отца, отдать
 Въ еѣ приказано управу.
 Въдъ по естественному праву
 Опекуномъ должна быть мать.
 Что намъ за дѣло мать какая?
 Грѣшна -ль она, или святая,
 Но сынъ воспитанный вдовой
 Ужъ не минуемо святой.

XXXVIII.

Она судила дальновидно,
 Умиѣй всѣхъ женщинъ, даже вдовъ.
 И такъ у ней былъ планъ готовъ
 Образованья, чтобъ не стыдно
 Жуану рыцаремъ прямымъ
 Явиться съ именемъ своимъ.
 Отецъ его былъ Кастильянецъ,
 Мать Аррагонкою была.
 Она за цѣль себѣ взяла.

Чтобы, какъ истинный Испанецъ,
 На чудо былъ онъ кавалеръ.
 И если Senor ихъ el Rey
 Начнетъ военныя затѣи,
 Чтобы онъ солдатамъ былъ въ примѣръ.
 И вотъ она велѣла сыну
 Ѣздѣ учиться верховой,
 Заняться шпагой и стрѣльбой,
 И приучаться вести дружину
 На приступъ, чтобы, какъ богатырь,
 Брать крѣпость или монастырь.

XXXIX

Но вещь одна была такая
 Ее внимательная мать,
 Не только эта, никакая
 Изъ виду не должна терять.
 О ней заботясь денно-ночно,
 Инеза акуратно, точно
 Всегда справлялася съ утра,
 Пока придутъ профессора.
 Она вѣдь знала всѣ науки.
 Урокъ, который онъ твердилъ,
 Всегда сперва переходилъ
 Черезъ родительскія руки.
 Учился онъ всему, всему
 Но только — съ цѣлюю моральной —

Заняться не дали ему
Исторію натуральной.

XL.

И сталъ онъ свѣдушь въ языкахъ,
Въ живыхъ и мертвыхъ, особливо
Въ послѣднихъ. Мать боялась страхъ
За сердце сына, и ревниво
Его хранила. Потому
Въ наукахъ самыхъ отвлеченныхъ,
Отъ знаній черни отдаленныхъ,
Онъ упражнялся. Но ему
Никакъ, ни подъ какимъ предлогомъ,
Опасныхъ, вольнодумнымъ слогомъ
Написанныхъ твореній, мать
Не позволяла въ руки брать;
А пуще книгъ такого рода
Не смѣлъ читать Инезинъ сынъ,
Гдѣ есть хоть малый упоминъ
О пропагандѣ народа.

XLI.

Но затруднительнѣй всего
Въ образованіи его
Бывали классиковъ творенья,
За тѣмъ, что эти похождения

Боговъ съ богинями всегда
 Такъ неприличны, непристойны,
 Такъ омерзѣнія достойны!
 Вѣдь эти боги никогда
 Ни панталоновъ, ни корсетовъ
 Не надѣвали — это стыдъ.
 Педагогическихъ отвѣтовъ
 Не слушая, ни Энеидъ
 Ни Иліадъ, ни Одиссеи
 Инеза сыну не дала.
 Она терпѣть ихъ не могла:
 Все это нехристей затѣи,
 Все это сатана писалъ,
 Вся мифологія — скапдалъ.

XLII.

„Овидій прославлялъ Зевеса
 „И Августа и тьму боговъ,
 „И видно изъ его стиховъ
 „Что онъ шалунъ, что онъ повѣса
 „Читатъ Овидія бѣда.
 „Анакреонъ — хотъ иногда
 „Онъ милъ, но лакомъ до красавицъ.
 „Мнѣ больше нравилса-бъ Тибулъ,
 „Когда бъ не Лезбія. Катумль?
 „Вотъ грѣховодникъ, вотъ мерзавецъ!
 „А Сафо! Э тотъ Гимнъ одинъ!

„Пускай онъ нравится Лонгину;
 „Я знаю лучше чѣмъ Лонгинъ —
 „Его читать не дамъ я сыну.
 „Виргилій чище, глаже слогъ,
 „Его - бѣ читать Жуанъ мой могъ,
 „Но что жь? скажите, ради Бога,
 „Вотъ эта гнусная эклога,
 „Которую такъ началъ онъ:
 „Formosum pastor Corydon.

XLIII.

„Лукрецій чловѣкъ безъ вѣры;
 „Въ немъ только вредные примѣры
 „Находить молодежь всегда.
 „Цѣль Ювенала благородна;
 „Но мысль до дерзости свободна;
 „Онъ грубъ, онъ золъ и безъ стыда.
 „А Марціалъ? Нѣтъ въ мірѣ дамы
 „Чтобъ Марціала эпиграмы
 „Читала; чловѣкъ честной
 „Отъ нихъ страдаетъ тошнотою.“

XLIV.

Жуанъ читалъ ихъ въ томъ изданьи,
 Гдѣ нѣтъ негодныхъ эпиграмъ —
 Гдѣ эпиграмы тѣ въ изгнаньи,

Для блага юношей и дамъ.
 За то что такъ онѣ нечисты,
 Для збереженія сердець,
 Ихъ отдѣлили латинисты,
 Какъ гнусныхъ козлищъ отъ овецъ —
 И книга здѣлалась прилична.
 Предусмотрительность отлична.
 Но какъ нельзя-же исказить
 Столь знаменитаго творенья,
 Они рѣшились приложить
 Все это въ видѣ прибавленья.
 Конечно, эти господа
 Жалѣя бѣднаго поэта,
 Такъ поступили. Впрочемъ это
 Насъ избавляетъ отъ труда
 Составить полный указатель.
 Но вы вѣдь, впрочемъ, не издатель.

XLV.

Гораздо лучше - бы имъ быть
 Раскинутыми по страницамъ,
 Чѣмъ, какъ издатель, въ гуртъ ихъ збить,
 На зло и дѣтямъ и дѣвицамъ.
 Онѣ въ порядокъ боевой
 Построясь, вызвали па бой
 Дитяти, опытомъ убогій,
 Исполненный тревожныхъ думъ,

Едва полусозрѣлый умъ,
 Когда нибудь не столько строгій
 Издатель снова по мѣстамъ
 Ихъ размѣститъ и сямъ и тамъ:
 И для читателей спокойнѣй,
 Да и полезнѣй для дѣтей,
 Приличнѣе, благопристойнѣй,
 И даже нѣсколько скромнѣй.
 Такъ, обнаженные безстыдно,
 Богини, боги по садамъ
 Глядятъ на проходящихъ дамъ —
 А у самихъ у нихъ все видно.

XLVI.

Жуану данъ былъ Часословъ.
 То былъ молитвенникъ фамильный.
 Бывало нѣсколько часовъ
 По немъ Иеза съ вѣрой сильной
 Молилась. Онъ украшенъ былъ,
 Какъ въ старину всегда бывало.
 При видѣ этой книги — силъ
 У насъ отъ смѣху - бѣ не достало *).
 По заголовкамъ, по угламъ
 И на пробѣлахъ были тамъ,

*) Такихъ Молитвослововъ у испанскихъ и римски
 диковъ весьма много видѣлъ переводчикъ.

На лѣшихъ и на вѣдмъ похожи,
 Раскрашенные ярко рожи.
 Какой нашли къ тому претекстъ,
 Чтобъ малевать такія хари?
 Но я глядѣть не могъ бы въ текстъ,
 На маржахъ видя эти твари.
 Инеза Часословъ взяла —
 Жуану безъ картинъ дала.

XLVII.

Ему читали поученья,
 И даже для него не разъ
 Ихъ сочиняли на заказъ;
 То были мудрыя творенья:
 Инеза поправляла ихъ.
 Онъ зналъ всѣ житія святыхъ,
 Онъ всѣ творенья Хризостома,
 Какъ катихизисъ, изучилъ.
 Его любимый авторъ былъ
 Jerome — онъ вытвердилъ Жерома.
 Тамъ все темно и глубоко;
 Но что Жуану не легко?
 Кто, впрочемъ, жаждетъ освятиться,
 Кто сердцемъ алчетъ научиться,
 И добродѣтель сохранять,
 Тотъ предпочтительно читать
 Обязанъ Августина. Видно

Что зналъ людскіе онъ сердца:
 Прочтите книгу до конца —
 И вѣрно станетъ вамъ завидно.
 Такъ милы въ исповѣди той
 Грѣхи, что натворилъ святой *)).

XLVIII.

Но дона, поступая здраво,
 Той книги сыну не дала.
 Такая книга то была!
 Благоразумная! а право
 Что ни жена и что ни мать
 Должна во всемъ ей подражать.
 Изъ виду молодого сына
 Не выпуская никогда,
 Она служанокъ завсегда
 Держала мерзостныхъ до спина.
 Она при жизни мужа тужь
 Брала методу: все старушки
 При ней служили, чтобъ игрушки
 Изъ дѣвушекъ не здѣлалъ мужъ.

XLIX.

Жуанъ часъ отъ часу умнѣе
 При воспитаньи былъ такомъ.

*) У папистовъ дѣйствительно есть святыя, которые весьма грѣшныя.

Въ шесть лѣтъ едва ли вы милѣе
 Ребенка бы нашли. Потомъ,
 Въ одиннадцать, онъ, для утѣхи
 Родительницы, былъ такъ милъ,
 Что ужь почти красавцемъ слылъ.
 Въ наукахъ дѣлалъ онъ успѣхи
 И шелъ по правому пути.
 Его могли бы вы пайти
 Весь день съ мольбой предъ образами,
 Весь вечеръ съ маминькой, съ попомъ,
 Семейнымъ ихъ духовникомъ,
 И съ мудрыми профессорами.

Г.

Въ шесть лѣтъ, сказалъ я, оцѣнь милъ
 Уже ребенокъ этотъ былъ;
 Въ двѣнадцать сталъ онъ мальчикъ - чудо:
 Хорошъ, уменъ, ученъ и святъ.
 А въ дѣтствѣ онъ себя велъ худо:
 Немножко былъ повѣсоватъ.
 Но вскорѣ общество такое
 Въ немъ измѣнило все дурное.
 Онъ отъ природы былъ сперва
 Капризенъ, вспыльчивъ, непослушенъ,
 Но сталъ и тихъ и благодушенъ.
 Вотъ такъ - то мать была права.

LI.

А я я получилъ сомнѣнья.
 Оцѣ, быть можетъ, и теперь
 При мнѣ остались; и, повѣрь
 Читатель, что безъ размышленья
 Я ничего не говорю.
 Я зналъ отца его . . . Фи! скверно
 Судить о сынѣ по отцу!
 Супружество ихъ не примѣрно,
 И не къ хорошему концу
 Ихъ привело оно. О, нѣтъ!
 Они то не сошлись; весь свѣтъ
 Зналъ это. Впрочемъ это личность.
 Поступки дурно толковать
 Худое дѣло. Злоязычность
 Вредна. Къ чему ихъ осуждать?

LII.

И такъ объ этомъ ни полслова —
 Я о супружествѣ молчу.
 Моя душа всегда готова
 Оправдывать. Я не хочу
 Хулить. Однакожь справедливо
 Сужу я: если бы одинъ
 Былъ у меня, положимъ, сынъ —
 (Ахъ, слава Богу, какъ счастливо,

Что нѣтъ сына!) — тогда бѣ, тогда бѣ
 Инезы, что танься? я-бѣ
 Учитъ мораль и катихизисъ
 Не отдалъ сына никогда.
 Отъ этаго зловредный кризисъ
 Случиться можетъ иногда.
 Итъ! школу я предпочитаю
 Домашнимъ всѣмъ учителямъ.
 Въ публичной школѣ — вотъ гдѣ,
 Я тамъ узналъ все то, что знаю.

ЛІІІ.

Мы можемъ только тамъ узнать
 Но не прилично исчислять
 Свои познанья громко. Я-же
 Собой хвалиться не привыкъ.
 Я не скажу ни слова даже
 Про гомерическій языкъ,
 Про эллинскій, который впрочемъ
 Я позабылъ давнымъ давно,
 И надъ которымъ мы хлопочемъ
 Бывало въ дортуарахъ; но —
 Я только говорю что въ школѣ
 Эхъ, *verbum sat!* Ни слова болѣ.
 Мнѣ помнится, узналъ я тамъ
 Коё-что то есть что за дѣло!
 А все, хоть не женать я самъ,

Скажу за вѣрное и смѣло:
 Я бѣ сына моего не такъ
 Воспитывалъ. Я не дуракъ!

LIV.

Его всѣ взрослымъ почитали;
 Одна лишь мать — и не шутя —
 Его щитала за дитя.
 Но если-бѣ это вы сказали,
 Тогда — и Боже упаси!
 Скорѣе ноги уноси:
 Себѣ бы губы искусала,
 Или васъ въ пухъ-бы разругала.
 По ней ужасный былъ порокъ,
 Быть прежде времени поспѣлымъ.
 Вещь признающая свѣтомъ цѣлымъ:
 Плодъ ранній не годится впрокъ.

LV.

Жуанъ имѣлъ знакомыхъ много:
 Ихъ всѣхъ ему избрала мать,
 Которая ужасно строго
 Людей привыкла разбирать —
 Все набожныхъ, разумныхъ, строгихъ
 Она друзей ему дала.
 Изъ этихъ-то знакомыхъ многихъ

И дона-Юлія была.
 Сказать о ней: она мила!
 Что значить эта похвала?
 То будетъ слабая идея
 Ее безчисленныхъ красотъ;
 То будетъ бѣдная затѣя
 Поэта. Силь оиъ не найдетъ,
 Чтобъ высказать, какъ благородны,
 Какъ свѣтлы были тѣ черты,
 Какъ полны свѣжей красоты.
 Ей прелести такъ были сродны,
 Какъ ароматъ цвѣтовъ веснѣ,
 Или какъ соль морской волнѣ,
 Какъ поля красоты Венерѣ,
 Или хоть такъ, по-крайней-мѣрѣ,
 Какъ Купидину страшный лукъ,
 Творецъ сердечныхъ вашихъ мукъ.
 Послѣднее сравненье чисто,
 Но плоско, тупо, водянисто;
 Въ немъ нѣтъ добра, какъ въ той водѣ,
 Что застоилася въ прудѣ.

LVI.

Гебешъ полуденнаго ока,
 Зерно любви, янтарь Востока,
 Вамъ говорили, что она
 Происхожденьемъ Мавританка.

Здѣсь это страшная вина :
 Въ Испаніи полунисанка
 Не можетъ съ чести смыть пятна.
 Когда взята была Гренада ,
 Когда изъ царственного града
 Сокрылся Боабдилъ въ слезахъ ,
 Въ то время изъ земнаго рая
 И предки Юліи , рыдая ,
 Ушли. Подъ зноемъ , на пескѣ
 Тяжелый жребій имъ достался :
 Въ пустынной Африкѣ свое
 Влачить земное бытіе ;
 И лишь въ Испаніи остался
 Прапращуръ бабушки ее .

LVII.

Одинъ гидальго знаменитый
 Въ одну прапращурову дочь ,
 Въ какую , не скажу точь въ точь ,
 Влюбился крѣпко и въ открытый
 Переговоръ вступилъ съ отцомъ .
 Читатель ! не судите строго
 За то , что я забылъ не много
 Ихъ родословіе . Потомъ
 Влюбилась и она . А тамъ ужь —
 Таковъ обычай — вышла за мужъ .
 За эту связь и за любовь

Родня гидальгова взбѣсилась:
 Въ его потомкахъ Мавровъ кровь,
 Слясь съ испанской, заструилась
 Полуиспанскою струей.
 Имъ стало тошно съ нимъ встрѣчаться:
 Они привыкли сочетаться
 Въ своей семьѣ, промежь собой;
 Хоть были очень не красивы,
 За то ужасно щекотливы
 На счетъ связей. До этихъ норъ
 За ними за мужемъ бывали
 Радныя тетки; часто брали
 Своихъ двоюродныхъ сестеръ,
 Племянницъ даже: это вредно!
 Какъ ждуть хорошенькихъ дѣтей?
 За тѣмъ теперь такъ мелко, блѣдно
 Все поколѣпіе людей.

LVIII.

Родные эту связь неловкой
 Могли изъ гордости считать;
 Гидальго ужаснулъ всю знать —
 Все такъ. За то была подновкой
 Порода гордой эта связь.
 Староиспанская вся грязь
 Была съ нею неожиданно смыта;
 И штамба, будучи покрыта

Грибами, плесенью и мхомъ,
 Прекрасный отпрыскъ вдругъ пустила:
 Онъ крупень былъ, дышали въ немъ
 Здоровье, юность, свѣжесть, сила.
 Мальчишки стали безъ горбовъ,
 И дѣвочки не стали плоски,
 Какъ гладко-стуганныя доски;
 Но слухъ прошелъ — я не готовъ
 Его принять безъ справокъ точныхъ —
 Что бабка Юліи моей
 Законныхъ дѣдушкѣ дѣтей
 Давала меньше чѣмъ побочныхъ.

LIX.

Тотъ слухъ былъ ложень иль правдивъ —
 Не знаю, только въ родъ изъ рода
 Все улучшалась ихъ порода —
 Былъ каждый отпрыскъ въ ней красивъ —
 Пока совсѣмъ не прекратилась.
 Послѣдній въ родъ наконецъ
 Былъ дивной красоты отецъ.
 Единственная дочь родилась . .
 Читатель можетъ разсудить
 Что это Юлія. Вотъ вскорѣ
 Подробно, долго, на просторѣ
 Объ ней я стану говорить.
 Благочестивая какъ Ева,

Она была уже не дѣва;
 Умна, прекрасна и мила,
 Ужь двадцати трехъ лѣтъ была;
 И по обычаю, какъ дама,
 Имѣла своего Адама.

LX.

Плѣнительная форма глазъ,
Ясные дни, черныя ночи
 Ужь признавался я не разъ,
 Что черныя люблю я очи.
 Пока еще она молчить —
 Огопь въ нихъ тлѣеть, не горитъ;
 Но есть въ нихъ мысль; и только слово —
 Какая гордость въ нихъ тогда!
 И даже нѣсколько сурово
 Ихъ выраженье; но всегда
 Любовь въ нихъ выражалась ярко;
 Взгляните въ нихъ — вамъ станеть жарко,
 Вы вздрогнете, огнемъ дыша.
 То не задумчивость мечтанья,
 То былъ бы цѣлый взрывъ желанья,
 Когда бъ не вѣра и душа.

LXI.

Густые локоны потокомъ
 Вились, подобно черной мглѣ,

На умномъ, добромъ, на высококомъ,
 На матовомъ ея челъ.
 Что жизни тамъ было могучей
 На томъ челъ! предъ нимъ все ницъ!
 И бровь дугой по верхъ рѣсницъ,
 Какъ радуга надъ черной тучей.
 Цвѣтъ розы посреди лилей
 Игралъ; онъ гаснулъ, загорался;
 Казалось, ореолъ надъ ней
 Прозрачный, свѣтлый разливался.
 Бывало вспыхнетъ вдругъ она —
 И вотъ вся кровь насквозь видна,
 Вотъ брызнетъ будто бы промчалась
 Съ непостижимой быстротой
 Магнитность молнійной струей.
 Она томила, задыхалась
 Какъ хороша была она?
 Гдѣ взять мнѣ выраженій новыхъ?
 Какъ высока, легка, стройна!
 Я женщинъ не люблю вершковыхъ.

LXII.

Довольно долго ужъ она
 Была женою челоуѣка
 Съдаго крѣпко. Съдина
 Есть указатель полувѣка.
 Онъ былъ пятидесяти лѣтъ.

Что жь дѣлать? Нынѣ полонъ свѣтъ
 Полутолѣтними мужьями.
 Но ахъ, mesdames, ск' жите сами,
 Что пользы въ нихъ, и что съ нихъ взять?
 Изъ васъ бы каждая охотнѣй
 Взяла не одного съ полсотней,
 А пару, каждый въ двадцать пять.
 Особенно въ странѣ столь знойной,
 Столь пылкой, страстной, беспокойной,
 Почти въ тропической страпѣ.
 Тамъ старый мужъ тяжель женѣ.
 Я думаю, *mi vien in mente*,
 Что даже при темперамѣнтѣ
 Весьма холодномъ дамы нѣтъ,
 Которая - бѣ не промѣняла
 На ротмистра подъ тридцать лѣтъ
 Полвѣковаго генерала.

LXIII.

Конечно это очень жаль;
 Всѣхъ добродѣтельныхъ въ печаль
 Приводитъ это; но причиной
 Всему повѣса солнце. Такъ!
 Оно надъ нашею машиной
 Всегда подшутитъ, и никакъ
 Мы отъ него не отобьемся.
 Оно покою не даетъ,

Мы задыхаемся, мы рвемся,
 Насъ раскаляетъ, жжетъ, печетъ.
 И тщетно мы тогда потѣмъ,
 Постимся, молимся, говѣмъ
 Мы тѣломъ слабы, а душа,
 Какъ ни добра, ни хороша,
 Но все-же часто поскользнется.
 И то, что у людей зовется
 Galanterie, а у боговъ
 Дѣвьянемъ нѣкимъ дайте словъ!
 Подъ темный вечеръ, на досугъ,
 Случается, въ прохладный часъ,
 Гораздо чаще здѣсь на Югъ
 Чѣмъ тамъ на Сѣверъ у насъ.

LXIV.

Блаженъ народъ заморскій, дальней,
 Европы сѣверной моральной!
 Хотя тамъ сладкихъ нѣтъ утѣхъ,
 За то, и самъ тому свидѣтель,
 Оттуда гонять тощій грѣхъ
 Зима, законъ и добродѣтель.
 Бѣдняжка, мерзнетъ онъ, дрожить
 И въ рублищѣ на югъ бѣжитъ.
 Блаженны, говорю, народы
 Гдѣ стряпчими оцѣнена
 Сосѣда нашего жена;

Гдѣ если не легки разводы,
 За то любовникъ осужденъ
 На пеню. Стерлингами онъ
 Съ супругомъ можетъ поквитаться;
 У нихъ любовь такой порокъ,
 Который подъ указный срокъ
 На рынкѣ можетъ продаваться.

LXV.

Теперь сказать я долженъ вамъ,
 Что мужъ Альфонсомъ назывался.
 Онъ былъ изряденъ по лѣтамъ;
 Опрятно, просто одѣвался;
 Любимъ хоть не былъ онъ женой,
 Но тоже не былъ ненавидимъ.
 Примѣръ супружества такой
 Мы очень часто въ свѣтѣ видимъ.
 Жить вмѣстѣ бывъ осуждены,
 Супругъ и добрая супруга
 Взаимно слабости другъ друга
 Всегда переносить должны.
 И такъ по мнѣ совсѣмъ не чудно,
 Что эта пара обоюдно
 Могла извѣстный стихъ сказать:
 „Мы не одинъ и насъ не двое.“
 Одно лишь въ немъ было худое:
 Онъ былъ охотникъ ревновать.

Но ревность онъ скрывалъ прилично,
 Затѣмъ что эта страсть публично
 Себя не любить выставить.

LXVI.

Инеза съ Юліей прекрасно
 Жила — я это видѣлъ самъ;
 Но добивался я напрасно
 Причины дружбы этихъ дамъ.
 Межь ними сходства не быва
 А если и было, такъ мало.
 Въ Инезѣ свѣдѣній гора —
 Инеза знала всѣ науки,
 А Юлія ни разу въ руки,
 Бывало, не возьметъ пера.
 Въ Севильѣ говорятъ иные
 И мнѣ сказали подъ рукой
 Но языки вездѣ есть злые —
 Кто имъ повѣритъ, самъ тотъ злой —
 И вѣчно ихъ недобрый гений
 Готовъ въ сосѣдственныхъ связяхъ,
 Въ поступкахъ, мысляхъ и словахъ
 Искать преступныхъ побужденій^о
 И такъ иные говорятъ,
 Что какъ еще былъ не
 Альфонсо, бѣдная Инеза
 Была въ сосѣда влюблена.

(Но развѣ сердце изъ желѣза?)
 Что послѣ съ нимъ была она
 Въ интрижкѣ небольшой любовной —
 Но развѣ вѣкъ быть хладнокровной?

LXVII.

Конечно время наконецъ,
 Великихъ переменъ содѣтель,
 Преобразило въ добродѣтель
 Святую дружбу двухъ сердець.
 Затѣмъ ее расположенье
 И на супругу перешло.
 Друзья, ну чье воображенье
 Умнѣй придумать бы могло?
 Вкусъ находя отличнымъ въ другѣ.
 Визиты дѣлая супругѣ,
 Она хоть поведеньемъ тѣмъ
 И не могла унять совсѣмъ
 Беззубыхъ швей съ ехиднымъ толкомъ —
 По-крайней-мѣрѣ съ этихъ поръ
 Про скандалѣзный этотъ вздоръ
 Всѣ толковали тихомолкомъ.

LXVIII.

Не знаю, впрочемъ, каково
 На это Юлія смотрѣла.

Она, быть можетъ, не хотѣла
 И видѣть въ этомъ ничего;
 Быть можетъ, вѣрной дружбы древность
 Ей и шепнула что нибудь;
 Быть можетъ, даже что и ревность
 Въ невинную запала грудь;
 Она, быть можетъ, сомнѣвалась,
 Была весьма огорчена,
 Но предъ людьми не сознавалась
 Въ своихъ сомнѣніяхъ она.
 Быть можетъ, то была холодность,
 Иль только просто беззаботность,
 Или привычка, можетъ быть.
 Я мучился отъ затрудненья
 Что выше женскаго умѣнья
 Свои всѣ чувства затаить?

LXIX.

Она Жуана увидала.
 Играя съ нимъ, рѣзвась, шутя,
 Его отъ сердца обласкала,
 Какъ очень милое дитя.
 Такъ чтожь? Къ ребенку сердце льнуло.
 Въдѣ ничего невиннѣй пѣтъ:
 Ей двадцать ужь давно минуло,
 Ему едва тринадцать лѣтъ.
 Но какъ со временемъ на двадцать

Прибавилось три года ей,
 И стало мальчику шестнадцать —
 Что дѣлать? Виновать! Ей-ей,
 Я улыбался и невольно
 Меня душилъ проклятый смѣхъ:
 Я видѣлъ въ ласкахъ близкій грѣхъ.
 Въдѣ трехъ годовъ весьма довольно
 Для очень важныхъ переменъ.
 При множествѣ часовъ досужныхъ,
 Весною, у народовъ южныхъ
 Бояться должно даже стѣнъ.

LXX.

Но вотъ внезапно измѣнились
 Жуанъ и Юлія — они
 Краснѣли, бѣдные, стыдились,
 Когда встрѣчались одни.
 Что можетъ впрочемъ быть возможнѣй,
 Хоть даже въ нашъ безстыдный вѣкъ?
 И дама стала осторожнѣй,
 И молодой нашъ человѣкъ
 Сталъ боязливѣй. При свиданьи —
 Смятенье, трепеть, жаръ и дрожь
 Имъ душно, тяжело имъ. Такъ что-;
 Не рай-ли въ этомъ состояньи?
 О Боже, сколько въ немъ усладъ!
 Люблю я потупленный взглядъ.

Она — мы въ томъ не сомнѣвались —
 Причину поняла всему.
 Но онъ Бѣдняжкѣ моему
 Тѣ чувства дивными казались.
 Да! этотъ трепеть, этотъ страхъ,
 Неясность въ грезахъ и мечтахъ,
 Загадкой были для Жуана.
 Не постигалъ себя Жуанъ —
 Нельзя, не видя океана,
 Себѣ представить океанъ.

LXXI.

Она казалась съ нимъ холодной;
 Въ холодности однако жъ той —
 Мучительной, душѣ несродной —
 Являлась жалость съ добротой.
 Когда свою, бывало, руку
 Отъ дружной отдалить она,
 Какъ видно было сердца муку,
 Какъ тяжело она грустна
 Была тогда! какъ трепетала!
 И руку юноши всегда
 Съ пожатьемъ легкимъ покидала —
 И загоралась отъ стыда.
 Хотя казалось и небрежно
 Пожатье это, но было
 Легко, воздушно и столь нѣжк

Что грудь томило, душу жгло.
 Въ какомъ - то сладостномъ смятеньи,
 Въ полубытти, въ полузабвеньи
 Жуанъ на долго былъ тогда.
 Нѣтъ, жезлъ Армиды никогда
 Не произвелъ бы впечатленья,
 Не влилъ бы въ грудь такой тоск
 Какъ то пожатіе руки.

LXXII.

Отворотясь, не улыбалась,
 Когда, бывало, съ нимъ встрѣчалась;
 Но этотъ влажный, томный взглядъ
 Былъ полонъ неземныхъ отрадъ.
 И никогда ея улыбка
 Не чаровала такъ души.
 Въ ней сердце билось пылко, шибко;
 Но, мысль въ невѣдомой тиши,
 Отъ любопытныхъ взоровъ свѣта
 Мучительно похоронивъ,
 Она въ таинственность одѣта
 Была. Страданье затаивъ,
 Она считала драгоценной,
 Божественною, неизмѣнной
 Невыразимую страсть.
 Какая горькая напасть,
 Когда, не смѣя проявляться,

Любовь невинная должна,
 Родясь передъ людьми, скрываться,
 Какъ грѣхъ, какъ тяжкая вина.

LXXIII.

Но тщетно страсть себя скрываетъ —
 Ей даже тайна измѣняется.
 Такъ небо — чѣмъ оно мрачнѣй,
 Чѣмъ гуще, молчаливѣй тьмится,
 Тѣмъ разрушительнѣй, злобнѣй
 Въ немъ буря грозная таится.
 Едва любовь проникнулъ свѣтъ —
 Спасенья никакого нѣтъ
 Вы захотите лицемѣрить,
 Но вамъ никто не станетъ вѣрить:
 Насмѣшка ваша, гнѣвъ, упрѣкъ,
 Холодность, ненависть, презрѣнье —
 Во всемъ замѣтно принужденье,
 И все бесплодно, все не впрокъ.

LXXIV.

И скоро вздохи, трепеть сладкій
 Быть не могли подавлены,
 И другъ на друга, хоть украдкой,
 Глаза всегда устремлены.
 Они блѣднѣютъ и краснѣютъ,
 Хотя невинные вполнѣ;

Они какъ въ лихорадкѣ мѣются,
 Увидѣвшись на единѣ;
 При встрѣчѣ, ноя, задыхаясь
 Приливы чувствуютъ крови,
 И чуть не илачуть разставаясь,
 То предисловіе любви,
 Прелюдія — то предсказанье,
 Что страсть далеко увлечетъ.
 А скрытность — тяжкое страданье:
 Она къ добру не приведетъ.
 И хлопотливо и напрасно
 Въ любви таится; это ясно,
 Что въ полуопытныхъ сердцахъ,
 Которыхъ, по привычкѣ, съ вами
 Мы называемъ новичками,
 Съ любовью неразлученъ страхъ.

LXXV.

Что ждало ихъ? что оставалось
 Въ неясной дали, впереди?
 У бѣдной сердце вырывалось
 Изъ разтревоженной груди.
 Она, какъ вѣрная супруга,
 Хотѣла все употребить,
 Чтобъ для себя и для супруга
 Навѣкъ о миломъ позабыть.
 Она кляла любви отраву,

Рѣшилась всѣ страданья снестъ,
 Звала на помощь гордость, славу,
 Законы, вѣру, имя, честь;
 Повергшись въ прахъ великодушно,
 Всѣхъ католическихъ святыхъ
 Молила, чтобъ огонь притихъ —
 Но сердце не было послушно.

LXXVI.

Послѣ полуденнаго сна,
 Однажды вечеромъ она
 Рѣшилась не видагъ Жуана.
 Но ей пришлось поутру рано
 И незѣ заплатить визитъ.
 Онѣ сидятъ: вдругъ дверь скрипитъ —
 Вотъ отворилась. И тревогу
 Скрывая, Юлія тогда
 Головку милую туда
 Оборотила Слава Богу!
 Не онѣ! Бѣдняжка спасена.
 Увидя не того мужчину,
 Съ какимъ усердіемъ она
 Благодарила Магдалину.
 Но грудь стѣснила ей печаль:
Кого то нѣтъ, кого то жаль
 Любовь ужасная плутовка!
 Вотъ отворилась снова дверь:

Кто можетъ быть иной теперь?
 Опять глядитъ туда головка —
 Жуанъ! Отвести не можетъ глазъ.
 Ужь Магдалину въ этотъ разъ
 Благодарить было неловко.

LXXVI.

Обдумавъ лучше, наконецъ
 Моя красавица рѣшила,
 Что кто бѣжитъ, тотъ трусъ, бѣглецъ,
 Что въ женщиѣ есть также сила.
 Мужчины, правда, хороши;
 Но не взволнуютъ ей души,
 Но не введутъ во искушенье.
 Пожалуй, можно предпочтенье
 Имѣть къ нему — грѣха тутъ нѣтъ;
 За это не осудитъ свѣтъ.
 Онъ милъ, искателень, все знаетъ;
 Она разумна и добра;
 Она его предпочитаетъ,
 Какъ брата старшая сестра.

LXXVIII.

А если иногда Кто скажетъ?
 Кумъ сатана куда хитеръ!
 Ну, если опытъ ей докажетъ,

Что воздержанье сущій вздоръ?
 Что въ свѣтъ не во всемъ порядокъ —
 Что иногда любовникъ сладокъ,
 И что имѣть его не грѣхъ
 Для развлеченья, хоть на смѣхъ?
 Фи! добродѣтельная дама
 Не доведетъ себя до срама —
 Она на стражѣ день и ночь;
 Ее не проведетъ лукавый —
 И выйдѣтъ изъ борьбы со славой,
 Прогнавъ всѣ искушенья прочь.
 А если дерзкій? Онъ ужасно
 Настойчивъ Что же — отказать!
 Повѣрьте, это не опасно!
 Mesdames, извольте испытать!

LXXIX,

„Да! развѣ нѣтъ любви той нѣжной,
 „Той платонической любви,
 „Небесной, тихой, безмятежной,
 „Безъ зноя, безъ очня въ крови,
 „Что такъ горитъ и пламенѣтъ,
 „Какъ первая зорьки струя,
 „И отъ которой раемъ вѣетъ —
 „Короче, кокова моя.“
 Такъ думала она, конечно,
 И свято вѣрила всему.

Блаженъ, стократъ блаженъ, къ кому
Стремится неизмѣнно, вѣчно
Такая дума красоты.

Что до меня, ужь вѣрно я-бы,
Отъ всей сердечной полноты,
Былъ счастливъ и блаженъ, когда-бы,
Не онъ, а я внушалъ мечты.

LXXX.

Когда позволила природа
Такой любви существовать,
Когда любовь такого рода
Невинна, мнѣ-ли обвинять
Ее, столь райски неземную,
Столь безмятежную, святую?
Чѣмъ грѣшенъ въ ручку поцѣлуй,
Иль даже въ щочку? это дѣло,
Которое, какъ ни толкуй,
Весьма невинно. Вѣрьте смѣло,
Любовники, цѣлуйтесь такъ!
Имѣйте полную отвагу —
Но далѣе того никакъ!
Прошу васъ, господа — ни шагу!
Не то небесная любовь
Взволнуетъ молодую кровь,
И скоро станетъ не святая,
А грѣшная, весьма земная —

Далеко увлечетъ она
 Смотрите-же, не забывайте,
 Моихъ вы словъ, не то — прощайте:
 Ужь это не моя вина.

LXXXI.

И такъ она любви законной,
 Любви приличіемъ стѣсненной
 Съ довѣрчивостью предалась:
 Любви печальной, безъутѣшной,
 Безинтересной и безгрѣшной.
 Она въ душѣ своей клялась
 Навѣкъ женой остаться вѣрной;
 А юношу пелицемѣрной
 Любовію сестры любить,
 Чтобъ юношѣ полезной быть.
 „Съ его души сниму я холодъ!
 „Онъ такъ еще несвѣдущъ, молодъ!
 „Священнымъ факеломъ такимъ —
 „Негаснущимъ, непотемненнымъ,
 „На чистомъ алтарѣ зажженнымъ —
 „Въ пути земномъ руководимъ,
 „Возненавидитъ онъ пороки.
 „Святой любовію внушенъ,
 „Какіе сладкіе уроки,
 „Неопытный, получитъ онъ!
 Мнѣ это право непонятно,

Какіе могъ онъ получать
Уроки? Дама, вѣроятно,
Могла о томъ сама не знать.

LXXXII.

Души примѣрной чистотою
И совѣстью защищена,
Своею цѣлю благою
Оправдана, ограждена,
Труды и горести рѣшилась
Она для друга перенести,
И вскорѣ твердо убѣдилась,
Что женщины достойной честь —
Скала гранитная иль крѣпость,
Которой невозможно взять.
Пусть говорятъ, что то нелѣпость,
Что должно бы себя стѣснять;
Пусть говорятъ, что слишкомъ много
Взяла бѣдняжка на себя:
Я дону-Юлію любя,
Ее судить не стану строго.
Развязка всѣмъ дѣламъ вѣнецъ —
Увидимъ мы каковъ конецъ.

LXXXIII.

Невиннымъ и весьма возможнымъ.
Она нашла весь этотъ планъ.

И какъ считать неосторожнымъ
 Такое дѣло? Вѣдь Жуанъ
 Отъ ней въ дистанціи приличной:
 Ему всего шестнадцать лѣтъ.
 Толпѣ суровой, злоязычной
 Тутъ никакой поживы нѣтъ.
 Души возвышенной достойна
 Благонамѣренная цѣль.
 И, Богу помолясь, спокойно
 Ложилась Юлія въ постель.
 По цѣлымъ сотнямъ сожигая
 Такъ инквизиція людей,
 Была спокойна, полагая
 Что дѣйствуетъ противъ чертей.

LXXXIV.

А если бѣ въ этотъ промежутокъ,
 Какъ водится, вдругъ умеръ мужъ?
 Случиться можетъ! Почему-жь
 Неумереть ему безъ шутокъ,
 За пятьдесятъ имѣя лѣтъ?
 И въ тридцать люди умираютъ!
 Годовъ на небѣ не считаютъ.
 О, Боже сохрани! нѣтъ, нѣтъ!
 Какъ это можетъ съ нимъ случиться?
 Ей это и во снѣ не снится:
 Такое бѣдствіе могло бѣ

Ее свести заранѣ въ гробъ.
 При этой мысли трепетала,
 Молилась Юлія, шептала —
 Богъ вѣсть что будетъ впереди!
 Болезненно въ ней сердце билось,
 И вздохъ тѣснился изъ груди.
 Но все же — что, когда бъ ' случилось?
 Положимъ это *inter nos*,
 Межъ нами то есть — извините,
 Я риѣмы не пашель — скажите
 Ну, что тогда бы? Вотъ вопросъ.

LXXXV.

Предполагать мы это можемъ —
 И такъ на время предположимъ.
 Семь лѣтъ не то что цѣлый вѣкъ.
 Вѣдь время быстро исчезаетъ.
 За годомъ годъ: онъ возмужаетъ,
 Онъ станетъ взрослый человекъ;
 Лѣтъ черезъ семь еще не поздно:
 Ей будетъ только — тридцать лѣтъ.
 Такая партія серьезно
 Прилична — выгоднѣе нѣтъ
 Для молодой вдовы. Моложе,
 Намъ скажутъ, мужъ жены своей:
 Ему лишь двадцать три! Такъ что же?
 Повиноваться будетъ ей.

Семь лѣтъ не семь однако жь сутокъ:
 Семь лѣтъ изрядный промежутокъ,
 И мало-ли уйдетъ воды?
 За то въ семь лѣтъ что здѣлать можно!
 Тутъ нѣтъ еще большой бѣды,
 Когда Жуана осторожно
 Она къ блаженству поведетъ,
 Когда, не дожидаясь срока,
 Святой любви два три урока.
 Ему изъ устъ своихъ прочтетъ,
 Любви къ земному непреклонной,
 Воздушной, свѣтлой, благовоной,
 Которая живетъ въ мечтахъ,
 Которой нечего бояться,
 Въ которой можно въ небесахъ
 Предъ ангелами сознаваться.

LXXXVI.

Вотъ мысли Юлиіи моей
 Но будетъ говорить о ней,
 Поговоримъ о дощѣ-Жуанѣ.
 О бѣдный юноша! Заранѣ
 Незримый пламень вспыхнулъ въ немъ.
 Онъ самъ не зналъ какимъ огнемъ
 Такъ жгло его? что такъ знобило?
 Такъ жало грудь и такъ томило?
 Что наполняло такъ тоской?

О чемъ, краснѣя и блѣднѣя,
 Не могъ забыть ни день, ни ночь?
 Короче, донъ - Жуанъ, точь въ точь
 Какъ у Назона миссъ Медея,
 Ту вещь опредѣлить желалъ,
 Которой самъ не понималъ.
 Въ ней для него все было ново.
 Онъ приискать хотѣлъ ей слово;
 А эта вещь, бѣды виша,
 Естественна и не страшна:
 Терпѣнья, юноша, терпѣнья!
 Она — источникъ наслажденья.

LXXXVII.

Взмолнованъ, грустенъ и смущонъ,
 Отъ всѣхъ уединялся онъ.
 Нерѣдко въ роцѣ, надъ волнами,
 Бродилъ невѣрными стопами,
 Иль, забывая цѣлый мѣръ,
 Глядѣлъ съ мечтой въ Гвадалквивиръ.
 Ему въ стѣнахъ казалось смутно;
 Въ невѣдомой тоскѣ своей
 Онъ удалялся отъ людей;
 Его тянуло поминутно
 Туда, гдѣ все вокругъ молчить,
 Гдѣ мраченъ лѣсъ, гдѣ свѣтлы воды —

На лоно матери природы.
 Уединенье насъ манить,
 Когда въ насъ сердце заболитъ.
 Въ минуту тяжкую печали,
 Вы вѣрно сами испытали,
 Какъ отъ людей мы далеко;
 И только намъ тогда легко,
 Когда отъ нихъ уединимся.
 И я, я также, господа,
 Люблю уединенье да!
 Позвольте! что я? объяснимся:
 Уединяться я готовъ —
 Но только, знаете-ли, словъ
 Не должно толковать превратно.
 Уединенье мнѣ пріятно
 Султанское. Извѣстно всѣмъ,
 Что надъ Босфоромъ значитъ это
 Отнюдь не гротъ Анахорета —
 Тамъ сыро! я люблю — гаремъ.

LXXXVIII.

„О богъ любви! въ уединеньи
 „Безпечность и восторгъ сплелись.
 „Тамъ утопалъ я въ наслажденьи,
 „Тамъ сладко дни мои вились.“
 Стишки изрядно сочиняетъ

Хозяинъ предъидущихъ строкъ;
 Но не хорошъ второй стишокъ.
 Уже ль поэтъ не понимаетъ
 Что въ немъ не ясно, что темно?
 Меня приводитъ въ затрудненье
 Восторга странное сплетенье
 Съ безпечностью Не мудрено!
 Весьма двусмысленно оно.

LXXXIX.

Какъ увидалъ безпечность эту
 Сплетенную съ восторгомъ, я
 Тотчасъ узналъ чего поэту
 Хотѣлось Только мысль моя
 Сильна передъ разсудкомъ здравымъ
 Его бѣдцѣжку здѣлать правымъ.
 Хотѣлось доказать ему,
 Что неприятно никому
 Быть потревожену сосѣдомъ
 Съ любовницей и за обѣдомъ.
 Но кто-жь того не испыталъ?
 Всѣ испытали безъ сомнѣнья.
 Но ужь довольно я сказалъ
 На счетъ нескромнаго сплетенья.
 Восторгъ придетъ прошу теперь
 Чтобъ заперла безпечность дверь.

XС.

Съ волненіемъ неукротимымъ,
 Съ мечтаніемъ невыразимымъ,
 Жуанъ по берегамъ ручьевъ
 Блуждалъ, или распростирался
 На свѣжей зелени луговъ,
 Тамъ гдѣ вѣтвистый дубъ качался,
 Иль тамъ гдѣ темные лѣса
 Отъ взоровъ скрыли небеса.
 Туда-то наши всѣ поэты
 Скрываться любятъ. . . тамъ предметы
 Находятъ для своихъ стиховъ;
 Они тамъ съ радостью читаютъ
 Иаборъ свой звучный риѳмъ и словъ;
 Тамъ въ чувства, въ мысль свою вникаютъ;
 Но не тогда какъ въ ихъ стихахъ
 Тотъ бредъ губительный бываетъ,
 Что обиталь и обитаетъ
 Въ игривыхъ Вѳордсворта мечтахъ.

XСІ.

И онъ не господинъ писатель
 А донъ-Жуанъ — онъ продолжалъ
 Блуждать въ лѣсахъ: пока, мечтатель,
 Тоску души онъ услаждалъ.
 Чтобъ мыслию владѣть своею,
 (Управиться претрудно съ нею!)

Онъ дѣлалъ все что только могъ:
 Пока сражаясь съ страстью злою,
 Упорной тяжкою борьбою,
 Превозмогалъ борьбу тревогъ —
 И кровь не столь кипѣла бурно.
 Но вотъ что кажется мнѣ дурно:
 Нашъ бѣдный молодой мудрецъ
 Такъ долго прожилъ въ сферѣ горной,
 Что по несчастью наконецъ,
 Какъ Кольриджъ, многихъ штукъ творецъ,
 Сталъ метафизикъ презадорный.

XСII.

Тамъ размышлялъ онъ о судьбѣ,
 О мѣрѣ, о самомъ себѣ;
 Тамъ удивлялся онъ природѣ
 И человѣку и звѣздамъ —
 Кто звѣзды тѣ разставилъ тамъ,
 На пышномъ, на бездонномъ сводѣ?
 Потомъ онъ думалъ о войнѣ,
 О язвѣ, о землетрясеніи;
 О томъ, какое затрудненіе
 Провѣдать что тамъ на лунѣ;
 О воздухъ, аэростатъ,
 О гальванизмъ, послѣ, кстати,
 Остановлялся мыслью — ахъ! —
 На черныхъ Юли глазахъ.

XСІІІ.

Въ хаосѣ таковыхъ мечтаній
 Мгновенно мудрость отличитъ
 И цѣль возвышенныхъ желаній,
 И пылъ страстей, и блескъ харитъ,
 И благородство вдохновеній —
 Трудомъ никто ихъ не постигъ;
 Зародышъ ихъ пріемлетъ геніѣ
 Рождаясь, въ первый жизни мигъ.
 Ни страсть, ни тяжкая забота,
 Ничто, вичто и никогда
 Въ предѣлъ превыспренній туда —
 Не дастъ намъ дивнаго полета.
 Ужь кто не геніемъ рожденъ,
 Къ землѣ тотъ вѣчно пригвожденъ.
 Но вотъ что кажется мнѣ странно:
 Какъ юноша, въ такихъ лѣтахъ,
 Ужь въ сферѣ горней безпрестанно,
 Уже блуждаетъ на звѣздахъ,
 О небесахъ уже хлопочетъ?
 Пусть философіей, коль хочетъ,
 Зоветъ мечты такія свѣтъ,
 Но философіи тутъ нѣтъ.
 И я, знатокъ людской породы,
 Скажу, что восемнадцать лѣтъ,
 Весьма критическіе годы,

Даря мечтательность уму,
Причина главная тому.

XCIV.

Въ листахъ, въ цвѣтахъ съ какой-то жаждой
Жуанъ значенье находилъ;
Шумъ роши, ропотъ струйки каждой
Ему о чемъ-то говорилъ.
Гдѣ, думалъ онъ, гдѣ ореады,
И гдѣ святая роши тѣ,
Откуда, смертныхъ тѣша взгляды,
Являлись нимфы въ наготѣ?
Гдѣ древній Римъ? гдѣ грековъ племя?
Гдѣ прежнимъ благамъ отдохнуть?
Такъ думая, терялъ онъ путь,
И забывалъ нерѣдко время —
Сатурнъ все далѣ улеталъ.
Когда жь Нортонъ изъ кармана
Жуанъ случайно вынималъ,
То видѣлъ онъ, что ужь не рано,
Что думы не накормятъ насъ,
Что супъ простылъ — обѣда часъ!

XCV.

Минуты сладкаго обмана
Онъ часто чтеньемъ прерывалъ —

Изъ Гарильяса, изъ Боскана
 Страницъ десятокъ пробѣгалъ.
 Тутъ онъ, бывало, вдругъ умчится
 Въ мистическій поэтовъ міръ:
 Когда встаетъ отъ волнъ зефиръ —
 То листъ въ дубравѣ шевелится.
 Казалось, чернокнижный духъ
 Съ какимъ-то тайнымъ заклинаньемъ
 Обдалъ его своимъ дыханьемъ,
 По выраженію старухъ.

XCVI.

Жуану сердце говорило,
 Что для него чего-то вѣтъ,
 Что не знакомо намъ, но мило,
 Чего ему ни тѣнь, ни свѣтъ,
 И ни одинъ еще поэтъ,
 Ничто доселѣ не давало.
 Но что Жуана волновало?
 Какая мысль? какая страсть?
 Чего ему не доставало?
 Грудь, къ которой бы припасть
 Онъ могъ мечтательной главою,
 Чтобъ чувствомъ пламеннымъ полна,
 Одушевленная тоскою,
 Затрепетала вдругъ она?
 Чтобъ слушать, какъ въ пей сердце бьется,

И какъ бѣенье отдастся
 Въ его же собственной груди.
 Ему хотѣлось и другое,
 Да позабылъ я что такое —
 Пусть это будетъ впереди.

XCVII.

Волненіе крови мятежной,
 Пристрастіе къ ручьямъ, къ лѣсамъ
 И къ продолжительнымъ мечтамъ
 Не скрылись въ простотѣ небрежной
 Отъ Юліи, къ нему столь нѣжной.
 Она замѣтила тотчасъ,
 Что бѣдняку не ловко что-то.
 Но странно кажется для насъ,
 Какъ мудрой матери забота,
 Какъ подозрительность ее
 Къ важнѣйшему не приступила?
 Она бѣ тотчасъ взяла свое,
 Она тотчасъ-бы все открыла.
 А впрочемъ, очень можетъ быть,
 Что, такъ-какъ всѣ археологи,
 Она-бѣ изныла отъ тревоги,
 А тайны не могла бѣ открыть.

XCVIII.

Не менѣе того все странно! —
 Хотя мы въ свѣтѣ безпрестанно

Найдемъ подобное тому.
 На всякій случай я возьму
 Въ примѣръ мужей, которыхъ жены
 Немножко пылки и учоны,
 И не боятся преступать
 Ту заповѣдь ахъ, какъ назвать?
 Какъ разрѣшить теперь задачу?
 Забылъ число! . . . Ну вотъ бѣда! . . .
 Ту заповѣдь Нѣтъ! на удачу
 Я не ссылаюсь никогда,
 Чтобъ не провратъся иногда.
 Мнѣ только жалко, господа,
 Что лишь супруги приревнуютъ,
 То жены тотчасъ ихъ надуютъ —
 Не обойдется безъ проказъ:
 Въ глупцы ихъ постригутъ какъ разъ
 И вслѣдъ за тѣмъ опубликуютъ.

XСІХ.

Хорошій мужъ всегда ревнивъ;
 Но не смотря на то, конечно
 Не лзя сказать, чтобъ былъ онъ вѣчно
 Въ своихъ сомнѣньяхъ справедливъ.
 То вдругъ по пустякамъ горюетъ,
 То вдругъ жену онъ приревнуетъ
 Къ тому, кому его жена
 Какъ смертный грѣхъ, какъ сатана.

За то — съ надеждою во взорѣ —
 Бываетъ такъ онъ ослѣпленъ,
 Что цѣлый годъ готовить онъ
 Свое-же собственное горе.
 Въ то время какъ бѣднякъ супругъ
 Боготворить свою супругу,
 Дождавшись случая, та вдругъ
 Червонцы приберетъ и — къ другу.
 Вообразите, какъ смущенъ,
 Проснувшись утромъ, будетъ онъ:
 Захочетъ приласкаться взглядомъ,
 Поцѣловаться разъ — и что-жь?
 Постель пуста, жены нѣтъ рядомъ,
 Окно безъ рамы — каково-жь?

С.

Такъ и родные близоруки,
 Стараясь о дѣтяхъ своихъ.
 Во всѣ глаза глядятъ на нихъ,
 И кажется — вотъ примутъ въ руки,
 Вотъ все провѣдаютъ Анъ нѣтъ!
 Они глядятъ да примѣчаютъ,
 А ничего о томъ не знаютъ,
 Надъ чемъ хохочетъ цѣлый свѣтъ.
 Вдругъ Гоппифуль ихъ дочь прельщаетъ —
 Миссъ Фанни ночью исчезаетъ
 Прощайте двадцати годовъ

Желаня, прозкты, цѣли —
 Всѣ съ Гопшефулемъ улетѣли;
 Уже не пужно жениховъ.
 Старушка головой качаетъ,
 Старикъ ворчитъ, весь домъ ругаетъ
 И предаетъ проклятью ночь,
 Въ которую спроворилъ дочь.

СІ.

Но вѣдь Инеза дальновидна
 И подозрительна была.
 Она свой домъ такъ повела,
 Что для нее было-бъ обидно
 Не увидать ни зги . . . а тутъ
 Быть можетъ мысль мою найдутъ
 Несправедливой — но, какъ видно,
 Ей захотѣлось, чтобъ Жуанъ
 Узналъ всю силу искушеній;
 Или, подъ случай заблужденій
 На счетъ жены своей, обманъ
 Открыть Альфонсу чисто, ясно.
 Намѣренье было прекрасно.
 Таить обманъ всегда грѣшно:
 А впрочемъ, вѣрная причина
 Я самъ ищу ее давно!
 Быть можетъ воспитанье сына

Она хотѣла довершить,
Хотѣла умъ его развить!

СЦ.

Случился какъ-то день прекрасный —
То было лѣтнею порой.
Ахъ, нѣтъ поры такой опасной
Какъ лѣтняя. Да и весной —
Туда къ концу, къ срединѣ мая —
Опасность также пребольшая.
Все солнце этому виной.
Есть времена такіе года,
Въ которые всегда природа
На фарсы ужасъ какъ щедра.
Для травли зайцевъ въ мартѣ — чудо,
А въ маѣ — зайцы идутъ худо:
Май мѣсяцъ есть любви пора.

СШ.

То было лѣтнею порою,
Въ іунѣ мѣсяцъ; а день —
6-й, какъ помню — мѣ не лѣнь
Назначить вѣрною рукою
Число не только что годовъ,
Но даже мѣсяцевъ, часовъ.
По числамъ тонъ приѣмля новый,

Такъ какъ на станціи почтовой,
 Судьба народовъ и людей
 Перемѣняетъ лошадей.
 Она летитъ, миритъ и ссоритъ,
 Республики и царства шпоритъ —
 Тѣ мчатся, и по ихъ слѣдамъ
 Одно лишь остается намъ:
 Съ наукою лѣтосчисленій
 Post-obitsъ всѣхъ богослуженій.

CIV.

И такъ 6-го, въ 6 часовъ
 И 47 минутъ, не болѣ,
 Въ саду, чтобы вздохнуть по волю,
 Межъ померанцовъ и дубовъ
 Сидѣла Юлія. Бесѣдка —
 Любви и роскоши пріютъ,
 Какъ та, гдѣ гуріи живутъ.
 Найти такихъ бесѣдокъ рѣдко —
 Я не видалъ ихъ въ жизнь мою.
 Они въ махмутовомъ гаремѣ,
 Они въ лзыческомъ раю,
 Въ восточномъ, пламенномъ эдемѣ,
 Который Муръ намъ воспѣвалъ,
 Среди своихъ ирландскихъ скалъ.
 Тотъ славный Муръ, кого почтили

Почетной чашею у насъ ,
 Кому всѣ музы, весь Парнасъ
 Вънокъ лавровый подарили.
 Какой блистательной звѣздой
 Надъ поэтической главой
 Горитъ свѣтило вдохновеній!
 Такъ, заслужилъ онъ свой вѣнецъ!
 Дай Богъ, чтобъ долго жилъ пѣвецъ,
 Чтобъ долго наслаждался геній!

СУ.

И Юлія, но не одна,
 Сидѣла бѣдная, грустна.
 Какъ повстрѣчаться имъ случилось —
 Не знаю, но когда-бъ и зналъ —
 Я все-бъ ни слова не сказалъ. . .
 Мнѣ-бъ быть нескромнымъ не годилось.
 Къ тому-же этотъ tête-à-tête
 Какъ приключился — нужды нѣтъ.
 И вотъ они другъ противъ друга.
 Быть можетъ важная услуга
 Для многихъ будетъ мой совѣтъ:
 Когда насупротивъ иль рядомъ
 Двумъ милымъ личикамъ такимъ
 Случится быть, не худо бъ имъ,
 Чтобъ не встрѣчался взглядъ со взглядомъ,
 Одну предосторожность взять:

Благоразумнѣе всего бы
 Закрѣть глаза скорѣй; но кто бы
 Закрѣлъ ихъ? Вѣдь легко сказать!

CVI.

О! еслибъ знали вы, какую
 Она блистала красотою!
 Живою краскою ланить
 Бѣенье сердца выражалось
 И въ очахъ видѣлось, казалось,
 Какъ кровь въ груди ея кипить!
 А между тѣмъ себя любящей
 Могла-ли чувствовать она?
 О, пламень сердца, жаръ палящій,
 Какъ власть твоя всегда сильна!
 Какое тайное искусство! . . .
 Ты силу слабому даешь,
 Ты въ душу хладную волеешь
 Роскошно-пламенное чувство —
 И вдругъ тобой растоптанъ тотъ,
 Кто полагалъ себя всеильнымъ;
 И въ душу мудреца втечетъ
 Обманъ источникомъ обильнымъ.
 Гдѣ Юлія? ужъ на краю
 Ужасной бездны, безконечной!
 Но, ахъ, съ увѣренностью вѣчной
 На разсудительность свою,

Она туда глядитъ охотно!
 Ужь ногу въ пропасть занесла —
 И вотъ надъ нею беззаботно
 Стоитъ. Увѣренность была,
 Какъ бездна та, неизмѣрима,
 Какъ океанъ, необозрима.

CVII.

О чемъ же думала она?
 О томъ, что глупый страхъ напрасенъ;
 Что донъ-Жуанъ ей не опасенъ;
 Что молодъ онъ, она сильна;
 Что добродѣтель торжествуетъ;
 Что быть невѣрною женой
 Есть грѣхъ не шуточной, большой;
 Что искру въ сердцѣ умъ задуетъ,
 Что искра въ сердцѣ не пожаръ.
 Потомъ ей въ мысли приходило,
 Что мужу пятьдесятъ пробило
 Что донъ-Альфонсо очень старъ .
 Последнему было-бъ не худо
 Ей въ голову не приходить,
 За тѣмъ, что въ эти лѣта чудо
 Къ себѣ пристрастiе родить.
 Вездѣ — и тамъ, гдѣ солнце рдѣетъ,
 И тамъ, гдѣ вѣчный снѣгъ лежитъ,
 Передъ полсотней страсть блѣднѣетъ

И далеко назадъ бѣжить.
 И этотъ счетъ для денегъ — звучно,
 А для любви — несносно, скучно,
 Все полутонами звучить.

СѢЩ.

Когда вамъ слышится: „не я-ли
 О томъ-то пятьдесятъ вамъ разъ
 Ужь повторялъ?“ — тогда желали
 Васъ уколоть не въ бровь а въ глазъ;
 Вамъ это выговоръ, упреки
 И за забывчивость урокъ.
 „Я написалъ полсотню строкъ!“
 Поэтъ вамъ скажетъ — вѣрно строки,
 Хоть градомъ съ васъ катился-бъ потъ,
 Всѣ пятьдесятъ онъ вамъ прочтетъ.
 Какъ на проѣзжую дорогу
 Разбойники, порой ночной,
 Полсотней выдутъ на разбой —
 Не страшно имъ. Но ужь, ей-богу,
 Кому полсотня счетныхъ лѣтъ,
 Тому любви взаимной нѣтъ.
 За то, какъ здѣлалъ я примѣты,
 И какъ на свѣтъ говорятъ,
 Хоть и въ почтенные тѣ лѣты,
 А звонкой тысячь пятьдесятъ —
 И, поступаая осторожно,
 Почти во всемъ успѣть возможно.

СІХ.

Но Юліѣ-ль не знать, что есть
 Законы брака, долгъ и честь?
 Альфонса такъ она любила,
 И такъ ему была вѣрна
 Могло-ли быть, чтобъ посрамила
 Кольцо вѣнчальное она?
 Оно было тогда надѣто
 У ней на пальцѣ — и предъ нимъ
 Она клялася всѣмъ святымъ:
 Не нарушать по гробъ обѣта,
 Мысль о порочномъ отдавать,
 И все, что чуть неблагородно,
 Съ благоразуміемъ несходно
 Тотчасъ отъ сердца отгонять.
 А между тѣмъ какъ такъ божилась,
 Она невольно позабылась,
 И правая рука легла
 Жуану на руку. Такъ что-же?
 Ошибка! очень быть могла
 То лѣвая рука — ее-же.

СХ.

Его рукъ ея рука
 Давала знать, весьма слегка,
 О сладостномъ сосѣдствѣ съ нею;

Она не рвется, не дрожить ;
 Она какъ будто говорить :
 „Держи, я вырваться несмѣю !
 „Держи меня!“ Я мысли той,
 Что съ платонической мечтой,
 Невинно жала руку друга
 Альфонса вѣрная супруга
 Припомня должности свои,
 Какъ отъ шмеля, какъ отъ змѣи
 Она въ испугъ-бѣ отскочила,
 Когда бы вдругъ вообразила,
 Что недалеко тутъ бѣда
 Что пробудить она рискуеть.
 Войну, которая всегда
 Въ груди пожаръ Москвы раздуеть.

СХІ.

Не знаю что подумалъ онъ ;
 Но вѣрно каждый, кто влюбленъ,
 Такъ поступилъ бы : онъ ей руку
 Поцѣловалъ, чтобъ сердца муку
 Тѣмъ усладить, и вдругъ смущенъ
 Отпрыгнулъ. Мысль, что провинился
 И онъ въ испугъ удалился,
 И подойти не смѣетъ вновь.
 Ахъ, въ сердцѣ дѣвственномъ любовь
 Знойна какъ югъ, краснорѣчива,

Но такъ робка, такъ боязлива! .
 Тутъ бросилась въ лицо вся кровь
 У блѣдной Юліи Желала
 Не знаю что сказать ему —
 Не стало словъ и потому
 Она, скрѣпившись, замолчала.

СХІІ.

Вотъ солнце сѣло, вотъ луна —
 И молчалива, и блѣдна —
 Его на небѣ замѣняетъ .
 Ужь вѣрно чортъ намъ на бѣду
 Въ лунѣ квартиру занимаетъ.
 Я думаю, тотъ былъ въ бреду .
 Кто эпитетомъ далъ ей слово:
Стыдливая. Нѣтъ дня такого,
 Хоть самый долгій день въ году,
 Июнь 9-й, чтобы столько
 Переисчитать грѣховъ могъ, сколько
 Сочтеть ихъ ночь за три часа.
 О Боже! что за чудеса
 Увидѣть можно подъ луною,
 Какъ выглянетъ она порою.
 А между тѣмъ едва она
 Пойдетъ гулять промежь звѣздами,
 За нею водимъ мы глазами,
 И повторяемъ: какъ скромна!

СХІІІ.

Въ минуты эти все въ молчаньи,
 Весь міръ въ безмолвной тишинѣ
 Тутъ погруженная въ мечтанье
 Душа зародитъ въ глубинѣ
 Неизяснимое желанье
 И обнажается вполнѣ.
 И свѣтъ сливаясь съ темнотою,
 Могущественной красотою
 Одѣнетъ холмы, дерева —
 Тогда росистая трава
 Блеститъ подъ серебрянымъ тумомъ
 И станетъ башня великаномъ
 И далеко раскинетъ тѣнь.
 Полупрозрачность проникаетъ
 И въ сердце намъ, гдѣ разливаешь
 Любви насильственную лѣнь.
 Мы назовемъ ту лѣнь любовной,
 Чтобъ отличить отъ хладнокровной.

СХІV.

И наша Юлія одна
 Сидитъ съ Жуаномъ подъ луною.
 Полупротивясь, вотъ она
 Ужь чувствуетъ что онъ рукою
 Какъ будто обнялъ, жметъ ее.

Рука надъ грудью трепетала,
 Грудь волновалась у нее .
 Да! Юлія предполагала,
 Что это также ничего,
 Что это дѣтскія движенья . .
 Не то легко бы отъ него
 Отдѣлаться — въ томъ нѣтъ сомнѣнья.
 Хотя въ позиціи такой
 Пріятно дамѣ молодой,
 Есть кой-какія наслажденья;
 Есть увлекательность своя.
 И вотъ Однако жь, быть тутъ чуду
 Да какъ-то продолжать я буду?
 Досадно мнѣ что началъ я.

СХV.

Платонъ, Платонъ! была-же радость
 Таковую дичь тебѣ писать?
 Что вздумалось тебѣ собрать
 Всю эту блажь, всю эту гадость?
 Когда бы зналъ ты, что за вредъ
 Намъ здѣлалъ твой проклятый бредъ,
 Какую силу ложной власти
 Души и сердца надъ собой
 Придумалъ ты? И кто-бъ такой
 Могъ побѣждать свои-же страсти?
 О какъ ты въ книгахъ ядовить!

И ядъ твой тѣмъ сильнѣй что скрытъ.
 Въ сравненіи съ тобой какъ чисты
 Поэты наши, романисты.
 А ты! — ты шарлатанъ, глупецъ .
 Ты юность развратилъ въ конецъ.
 И что теперь твои всѣ книги?
 Не то-ль чѣмъ самъ ты прежде былъ?
 Вѣдь ты весь вѣкъ, покуда жилъ,
 Сводилъ любовныя интриги.

СХVI.

Нѣмѣетъ Юлія, дрожить,
 Лишь тяжкимъ вздохомъ говорить,
 Лишь выраженьемъ томныхъ взоровъ .
 Гдѣ-жь цѣль полезныхъ разговоровъ,
 О наставленьяхъ гдѣ мечта?
 Бѣдняжка плакать начинала —
 Ахъ, еслибъ эта красота
 Не знала слезъ, не тосковала!
 Но какъ-же вмѣстѣ и любить
 И разсудительною быть?
 Хотя конечно наша совѣсть
 О добродѣтеляхъ всѣхъ повѣсть
 Тотчасъ прочтетъ подробно намъ;
 Но то бѣда, что только бремя
 Ее намъ слушать въ это время —
 Мы слышимъ съ горемъ по ноламъ.

Кто бъ поступилъ тутъ осторожно?
 „Клянусь, что нѣтъ! какъ это можно?
 „Не соглашусь я никогда.“
 Тихонько Юлія божилась,
 И въ тоже время согласилась.
 Ужь такъ заведено всегда.

СХVII.

Мнѣ помнится, что Ксерксъ назначилъ
 Награду страшную тому,
 Кто удовольствіе ему
 Дастъ новое. Онъ озадачилъ,
 Я думаю, всѣхъ мудрецовъ.
 Тутъ промозолишь лобъ невольню,
 Отъ изысканій и трудовъ.
 А мнѣ, поэту — мнѣ довольно
 И старыхъ: дайте мнѣ любовь,
 Которую зовутъ досугомъ;
 Да вдоволь краснаго какъ кровь
 Вина, чтобъ выпить вмѣстѣ съ другомъ
 На что выдумывать ихъ вновь?
 Ужь мы не выдумаемъ болѣ.
 Когда бъ намъ старыхъ да подоль.

СХVIII.

О удовольствіе! для насъ
 Ты привлекательно, конечно;

Да вотъ бѣда: наступить часъ —
 Мы на расплатъ будемъ вѣчно.
 Разстаться скучно намъ съ тобой —
 Не спорю, ты весьма пріятно;
 Но ты смертельный грѣхъ, большой,
 Ты насъ погубишь невозвратно.
 Я съ каждою весной хочу
 Въ занятіяхъ принять реформу;
 Но позабудусь — и лечу
 Опять къ грѣху, какъ птица къ корму.
 Теперь ужъ все пойдетъ не такъ;
 Возьму рѣшительныя мѣры;
 Не отступлю отъ нихъ никакъ
 Назадъ ни шагу, какъ отъ вѣры.
 Отъ невоздержности такой
 Я самъ стыжусь, я самъ краснѣю;
 Но я исправиться сумѣю
 Хоть съ наступающей зимой.

СХІХ.

Простите! вольность небольшую
 Желаетъ муза взять моя.
 Читатель мой, не бойся! я
 Обидить слухъ твой не рискую —
 Нѣтъ! муза дѣва и скромна;
 И эта вольность, другъ мой, вся-то
 Есть поэтическая. На!

Что свято, для меня то свято . . .
 Еще мораль во мнѣ сильна.
 Но черезъ вольность въ донъ-Жуанъ
 Нерегулярность выйдетъ въ планъ ;
 А какъ я логикъ всей душой —
 Аристотель учитель мой —
 И правила я уважаю,
 А тутъ пришлось ихъ преступить —
 Такъ должно же, я полагаю,
 Въ томъ извиненья попросить.

СХХ.

Какая жь вольность? вотъ кака! :
 Я думаю, читатель мой,
 Вы помните июнь 6-й?
 Въ поэмѣ это связь большая.
 Не выставь чиселъ только я —
 И связь исчезла-бъ, и моя
 Ушла-бъ наука вся навѣрно
 Потомъ, за недостаткомъ дѣлъ,
 Ужь я ни въ чемъ бы не успѣлъ.
 Мы вправѣ полагать свободно.
 Такъ, если будетъ вамъ угодно,
 Положимъ, что у насъ прошло
 Пять мѣсяцевъ ужь отъ 6-го.
 У Юлии вѣдь въ то число
 Свиданье первое было :

Не лзя не помнить дня такого.
 Теперь ноябрь ужь у меня,
 Я бѣ выставилъ и деньъ въ добавокъ,
 Да жаль что не взялъ точныхъ справокъ —
 И такъ не выставляю дня.

СХХІ.

Теперь. . . Но прежде объяснимся,
 А послѣ къ дѣлу возвратимся.
 Какъ сладко, въ поздній часъ ночной,
 Вдругъ увидать волны морской
 При бѣдномъ мѣсяцѣ сверканье,
 Или звѣзды вечерней блескъ,
 Услышать пѣснь гребцовъ, зыванье,
 И шумъ валовъ и весель плескъ.
 Какъ сладко вѣтру внять ночному,
 Какъ заскользить онъ по листамъ —
 Увидѣть тамъ — далеко, тамъ —
 Дугу по небу голубому,
 Иль въ океанѣ по волнамъ.

СХХІІ.

Какъ сладокъ лай сабаки вѣрной,
 Когда съ усталостью, зимой,
 Мы, запоздавъ, идемъ домой,
 Когда насъ ждетъ нелицемѣрный

Привѣтъ хозяйки молодой.
 Какъ сладко надъ ручьемъ долины,
 Текущимъ съ каменной стремвины,
 Уснуть подъ шумный говоръ струй,
 Потомъ съ денницей пробудиться,
 И новымъ солнцемъ насладиться.
 Какъ сладко слышать поцѣлуй,
 Дѣвичій голосъ, пчель жужжанье,
 Или дитяти лепетанье.

СХХІІІ.

Какъ сладко видѣть виноградъ
 Наполненный румянымъ сокомъ,
 Уйти, укрыться въ сельскій садъ,
 Забыть о городѣ далекомъ,
 Въ сплетень городскихъ пожить.
 Какъ сладко цѣлый вѣкъ чертить
 Рукъ подъячаго бумаги
 И золото копить для скраги.
 Съ какою радостью отецъ
 Провѣдаетъ что наконецъ
 Онъ перваго имѣетъ сына
 Какъ драгоценна эта вѣсть.
 Какъ сладостна для женщинъ месть,
 Когда имъ насолить мужчина.
 Какъ весело на призъ пиратъ
 И на грабежъ бѣжить солдатъ.

СХХІV.

Какъ сладко получить наслѣдство!
 Для этого одно есть средство:
 Узнать о смерти чьей нибудь.
 И такъ, какъ искренно мы ради
 Кончинѣ вѣковаго дяди,
 Хоть добрый человѣкъ онъ будь.
 Или какъ бабушка съдая
 Умреть, намъ деньги покидая.
 Какъ долголѣтні старики!
 Вѣдь ежедневно умирають,
 А живы . . . Тѣже бѣдняки
 Все ждуть да ждуть, да поджидаютъ
 Пока-то земли, сундуки
 И всѣ висячіе замки
 Достанутся несчастнымъ въ руки.
 Какъ не изныть тогда отъ скуки?
 А тутъ еще проклятый жидъ
 Съ росписками, да съ векселями,
 Какъ тѣнь все бѣгаетъ за нами.
 Что за досада, что за стыдъ!

СХХV.

Съ пріятелемъ докучнымъ ссору
 Всегда пріятно завести,
 И миръ — гдѣ драка намъ не въ пору —

И неизмятый лавръ найти.
 Какъ сладко въ уголкѣ счастливомъ
 Имѣть бочки съ старымъ ниномъ,
 Бутылки добраго вина
 Дурачить старика ревнивца,
 Или утѣшить несчастливца
 И знать что счастью мы вина.
 Какъ сладко вспоминать о школѣ,
 Гдѣ вѣрно насъ не помятъ болѣ!

СХХVI.

Но слаще первая любовь.
 Объ ней и вспоминать пріятно,
 Хотя промчалась не возвратно,
 Хотя не возвратится вновь.
 Объ раѣ такъ Адамъ и Ева
 Любили долго вспоминать,
 Когда плоды украли съ древа,
 За что вельми ихъ прогнать.
 То правда, что они узнали
 Такой для смертныхъ вкусный грѣхъ,
 Что съ нимъ амброзія едва-ли
 Сравнится красотой утѣхъ.
 У Грековъ баснью все одѣто:
 Давно я думаю что это —
 Огонь, который Прометей
 Принесъ съ Олимпа для людей.

СХХVII.

Что за животное смѣшное
 Чудакъ двуногій? Что такое?
 Чего онъ вѣчно въ суетахъ?
 Онъ измѣряетъ элементы,
 Онъ дѣлаетъ эксперименты,
 Весь вѣкъ его пройдетъ въ трудахъ.
 То въ страшную придетъ заботу,
 Чтобъ геній свой явить другимъ;
 То вдругъ получить онъ охоту
 Дать ходъ всѣмъ странностямъ своимъ.
 Что ни талантъ найдетъ работу.
 Но лучше бѣ истину искать —
 А нѣтъ ея? тогда начать
 Проказы съ помощью обмановъ.
 Нашъ мiръ великъ для шарлатановъ.

СХХVIII.

Теперь изобрѣтеній тьма,
 Которые другъ другу чужды.
 Вотъ вѣрный признакъ и ума,
 И генія и въ деньгахъ нужды.
 Одинъ искусственный вамъ носъ
 Къ лицу приставить, какъ машину;
 Другой, какъ кончится допросъ,
 Для васъ приладить гильотину.

Кто костоломъ, кто костоправъ —
 И каждый, какъ посмотришь, правъ.
 Чего въ нашъ вѣкъ и въ наши лѣты
 Изобрѣтатель не найдетъ?
 Но оспа — вотъ ужь антидотъ
 Противъ конгревовой ракеты!

СХХІХ.

По совѣсти, скажите, гдѣ-бъ
 Въ прошедшемъ вѣкѣ ѣли хлѣбъ
 Картофельный и безъ заквасы?
 А трупы дѣлали-ль гримасы
 Отъ гальванизма? — Никогда.
 И небыло еще тогда
 Ни суммъ владѣющихъ пожаромъ,
 Ни добрыхъ филантроповъ тѣхъ,
 Къмъ наша братья, для потѣхъ,
 Дезасфигсирована даромъ,
 То-есть — *desasphyxiés gratis*.
 Мы стали точно исполины.
 О Боже мой! что за машины
 Въ недавнемъ времени нашлись.

СХХХ.

СХХХІ.

Короче, что ни шагъ, то геній —
 Нашъ вѣкъ есть вѣкъ изобрѣтеній
 Для умерщвленья нашихъ тѣлъ,
 И для спасенья душъ. Секрета
 У насъ теперь ужъ нѣтъ для свѣта,
 И не найдешь, хоть бы хотѣлъ
 Всѣ свѣдѣнья распространились.
 Конечно много мы трудились —
 Толь дѣло наши старики?
 Фонарь сэръ Гомфри Деви — чудо!
 Онъ путь открылъ намъ въ рудникъ
 Съ нимъ уголь рыть намъ развѣ худо?
 Скажите, прежде насъ когда-жь
 Былъ томбуктоновскій вояжь?
 Поѣздки къ полюсамъ такія
 Бывали-ль въ прошломъ вѣкѣ? — Нѣтъ!
 А что все это значить? — свѣтъ!
 А экспедиціи морскія!
 Было-ли болѣе свѣтло
 Отъ выстрѣловъ при Ватерло?

СХХХІІ.

Всего несходнаго смѣшенье,
 Хаосъ пороковъ и страстей,
 Несчастный смертный въ жизни сей
 Есть очень странное творенье.
 Онъ жить не можетъ безъ утѣхъ,
 А говорить что радость — грѣхъ.
 Онъ все груститъ, онъ все хлопочеть;
 Спросите-же чего онъ хочетъ?
 Онъ ничего не скажетъ вамъ;
 Объ этомъ онъ не знаетъ самъ.
 И если онъ груститъ, не чудно:
 Гоняаяся за красотой,
 За славой, золотомъ, мечтой,
 Достигнуть цѣли очень трудно.
 Когда же кто ее достигъ,
 Она ему наскучить въ мигъ.

СХХХІІІ.

Тутъ онъ какъ можетъ умираеть;
 Его зарюють — а потомъ?
 Потомъ что будетъ? онъ не знаетъ,
 И вы не знаете о томъ.
 И такъ спокойной ночи. Это
 Мы кончили, теперъ опять

Я стану повѣсть продолжать.
 Давнимъ давно прошло ужь лѣто
 И сталь ноябрь среди двора.
 На ясный день тутъ нѣтъ надежды.
 Бѣлѣетъ каждая гора,
 Какъ будто-бы поверхъ одежды
 Обыкновенной, голубой,
 Покрыта бѣлой епанчой.
 Кидая пѣну въ скалы, море
 Бунтуетъ мрачно у береговъ,
 А солнце, присмирѣвъ въ задоръ,
 Ложится спать ужь въ пять часовъ.

СXXXIV.

Тогда при пасмурной погодѣ
 Стояла ночь, какъ говоритъ
 Нашъ кормчій. Мѣсяцъ былъ закрытъ,
 И ни звѣзды на цѣломъ сводѣ.
 Все тихо; вѣтеръ замолчалъ,
 Не дулъ, иль рѣдко подувалъ.
 Огнемъ наколотой лучипы,
 Треща и искряся каминны
 Пылали въ домѣ не одномъ
 И не одна семья толпою,
 Потолковать промежъ собою,
 Въ кружокъ собиралась предъ огнемъ.
 Есть — я не знаю что такое —

Въ огнѣ камина для меня:
 Онъ милъ, какъ небо голубое
 Блестательнаго лѣтомъ дня.
 Его мерцанье тѣшитъ взоры —
 Лучины трескъ я слушать радъ;
 Люблю съ гомарами салатъ,
 Шампанское и разговоры

СXXXV.

Ужъ полночь. Юлія была
 Уже въ постелѣ и спала.
 Не знаю впрочемъ — вѣроятно
 Она спала. Вдругъ у дверей —
 Вотъ это очень непріятно
 Было, я думаю, для ней —
 Сталъ раздаваться стукъ столь грозно,
 Что могъ бы разбудить людей
 И въ гробъ, еслибъ случай сей
 Ужъ небылъ разъ. А вѣдь серьезно
 Мы всѣ читали, что они
 Воскресли и что будутъ дни
 Когда въ могилахъ гробы треснутъ
 И люди всѣ опять воскреснутъ.
 Дверь заперта́ была на ключъ.
 Но кто-то крѣпко тамъ стучался,
 И чей то голосъ отзывался
 Какъ звѣря ревъ, какъ громъ изъ тучь.

„Гей! отоприге, отоприте!
 „Сударыня! что жь вы молчите?“

СХХХVI.

— Ай, баринъ, баринъ! Охъ, бѣда!
 Сударыня, охъ, ради Бога!
 Пропали мы. Что за тревога!
 Пришло полгорода сюда.
 Ну, статочное-ль это дѣло?
 Хоть не моя вина теперь:
 Я заперла прекрѣпко дверь,
 Ужь я во всѣ глаза глядѣла,
 Такъ стерегла, что. . Ай! бѣгутъ
 Уже у лѣстницы, ужь тутъ,
 Ужь не далеко, не далеко!
 Ой, Бога-ради! Дверь сорветъ.
 Пускай хоть какъ нибудь уйдетъ
 Въ окошко! Тутъ не такъ высоко. —

СХХХVII.

Но донъ-Альфонсо прибѣжалъ
 Съ друзьями въ комнату супруги.
 За ними съ факелами слуги;
 У всѣхъ то шпага, то кинжалъ,
 И люди все не холостые.

Все были набраны такіе,
 Что иль недавно, иль давно
 Склонили подъ ярмо Гимена
 Главу. Оно не мудрено:
 И посторонняя измѣна
 Для сихъ господъ ужасна такъ,
 Что былъ изъ нихъ согласенъ всякъ
 Ее казнить. Пріятно крайне
 Такой злодѣйкѣ отомстить,
 Которая рѣшиласьъ вта йяѣ
 Чело супруга оскорбить.
 Въдъ заразительны безъ мѣры
 Столь богомерзкіе примѣры.
 И если-бъ только иногда
 Не показать вполнѣ надъ ними
 Законной строгости, тогда
 Всѣ-бъ жены стали таковыми.

СХХХVІІІ.

Какъ это случилось, почему
 Альфонсо получилъ сомнѣнье,
 Какимъ манеромъ въ умъ ему
 Возшло такое подозрѣнье —
 Не знаю — не могу рѣшить.
 Но все-же я скажу, что стыдно
 Такъ явно, нагло и обидно

Супруги ложе осрамить.
 Совсѣмъ не кстати, не подь мѣру
 Такого рода кавалеру
 Столь невоспитанному быть.
 Тревога, факелы, лакеи,
 Друзья, оффиція, фузеи
 А доказать нельзя никакъ
 Того, что не взлюбилъ онъ такъ

СХХХІХ.

И Юлія, полунагая,
 Вскочивъ, бѣдняжка, какъ со сна —
 Я говорю не утверждая
 Того, что не спала она —
 На шумъ, на крикъ и на угрозы
 Могла лишь воплемъ отвѣчать.
 Вотъ начала она рыдать,
 Вотъ полились ручьями слезы.
 А между тѣмъ подь этотъ шумъ
 Антонія, ея субретка . . .
 Пришло-же вѣдь и той на умъ!
 Какъ будто Юлія кокетка
 И почивала не одна
 Простыни, спальные наряды
 Подушекъ цѣлыя громады
 Въ постель набросила она.

СХL.

Да! Юлія съ Антуанетой,
 Во время шумной сцены этой,
 Явились такъ передъ толпой,
 Какъ бы и вправду за собою,
 Вины не знали никакой.
 Онъ встревожены грозою,
 Не зная впрочемъ ей причинъ.
 Одиъ оставшись, нѣтъ сомнѣнья,
 Онъ боялись привидѣнья,
 А и тѣмъ болѣе мужчинъ.
 Вѣдь это дѣло не пустое
 Одной управиться съ однимъ;
 Двумъ самкамъ управлять съ нимъ
 Гораздо легче — легче вдвое.
 И такъ не лучше-ль лечь самъ другъ
 Въ постель съ служанкой, поджидая,
 Что между тѣмъ придетъ супругъ,
 И что супругу обнимая,
 Онъ скажетъ ей: „душа моя,
 Вотъ видишь-ли? пришелъ и я.“

СХLl.

Себя не помня отъ испуга,
 Стояла дона какъ мертвецъ
 Потомъ опомнясь наконецъ,

Вскипѣла гнѣвомъ на супруга —
 И вдругъ она вскричала такъ:
 „Альфонсо! это что такое?
 „Нѣтъ, нѣтъ, я не ждала никакъ
 „Чтобъ вы мнѣ здѣлали ночное
 „Насиліе. И вамъ не стыдъ
 „Мнѣ столько причинять обидъ?
 „Что это? ревность или съ пьяна?
 „Ахъ лучше мнѣ бы умереть,
 „Чѣмъ эти наглости терпѣть,
 „Ставъ жертвой изверга, тирана!
 „Одно и это ужь могло бъ
 „Меня свести живую въ гробъ.
 „И какъ вы смѣли, какъ вы смѣли —
 „Скажите мнѣ сейчасъ, сейчасъ —
 „Меня, я спрашиваю васъ,
 „Подозрѣвать? Что вы? въ умъ-ли?
 „Ищите жь, если такъ! по мнѣ
 „Обшарьте все . . . что за досада!
 „Ищите!“ — „Мнѣ того и нада.“
 Альфонсо отвѣчалъ женѣ.

СХLII.

И вотъ всѣ заняты: кто шарить
 По всѣмъ угламъ — порой иной
 Въ обои шпагою ударить —
 Кто въ гардеробъ, за стѣной,

Кто въ скважинахъ дверей и оконъ;
 А тѣ обходятъ кабинетъ —
 И что находятъ? перстень, локонъ
 Перчатку, серьги иль браслетъ.
 Вездѣ обыскиваютъ строго —
 Бьютъ пропасть стеколъ и столовъ,
 Находятъ гребней, щетокъ много
 Штанишекъ, юбокъ и чулковъ .
 Такъ какъ у дамы благородной,
 Привычной въ обществѣ блистать,
 Себя опрятно наряжать
 И быть всегда въ одеждѣ модной.

СХLIII.

Полѣзли подъ постель — и тамъ
 Нашли они но что въ томъ намъ?
 Ужъ вѣрно не того искали.
 Потомъ, боясь что промахъ дали,
 Что есть побѣгъ, они въ окно
 Глядятъ на гряды — нѣтъ ли слѣду
 Мужской ноги на грядкахъ. Но —
 Лишь видятъ полную побѣду
 Невинной дамы надъ собой.
 Не зная что имъ дѣлать болъ,
 Оторопѣли по неволѣ.
 Вѣдь это стыдъ имъ, да какой!

Но странно, какъ изъ подъ постели
 Въ постель не взглянулъ ни одинъ
 Изъ этихъ сыщиковъ. Уже-ли
 На это не было причинъ?
 Не понимаю, что за чудо,
 Чтобы при обыскѣ забыть
 Постель немножко перерыть?
 Не досмотрѣлись! это худо!

СXLIV.

Во время обыска языкъ
 У Юли былъ на просторѣ;
 Глаза заплаканы — во взорѣ
 Гнѣвъъ запылалъ, раздался крикъ:
 „Ищите, шарьте! какъ я рада!
 „Я очень, очень рада, да!
 „Все перешарьте . . . такъ и нада
 „Жену обыскивать всегда.
 „Такъ вотъ какая мнѣ награда
 „За то, что молодость губя,
 „Терпѣть подъ бокомъ у себя
 „Такого муженька рѣшилась!
 „Я-бъ и для лучшихъ пригодилась!
 „Но за свою вступлюсь я честь.
 „Когда въ Испаніи лишь есть
 „Законъ и стряпчіе, обиду

„Я не оставлю такъ! я выду
 „Отсюда завтра-жь — завтра-жь! Да!
 „Не потерплю безчестій домъ!
 „Не оставаться ужь въ неволѣ
 „Мнѣ въ здѣшнемъ домѣ никогда!

CXLV.

„Такъ, донъ-Альфонсо, ужь отнынѣ
 „Ты не считай меня женой.
 „Скажи мнѣ, по какой причинѣ
 „Такъ поступаешь ты со мной?
 „Въ ночную пору и публично
 „Придетъ-ли въ голову кому
 „Все это дѣлать? ни уму,
 „Ни лѣтамъ вашимъ не прилично.
 „Вѣдь вамъ десятковъ шесть ужь есть?
 „Не знаю впрочемъ — пять иль шесть,
 „Да это все равно. Прекрасно!
 „Безъ повода и такъ ужасно,
 „Такъ недостойно оскорблять
 „Жены достойной добродѣтель!
 „Нѣтъ, не забуду, Богъ свидѣтель.
 „Какъ смѣлъ, какъ смѣлъ ты заключать,
 „Чтобъ я была такой нескромной?
 „Неблагодарный! вѣроломный!
 „Ты варваръ! Вотъ дождалась я!
 „Вотъ какова судьба моя!

СXLVI.

„ Затѣмъ ли я пренебрегала
 „ Правами пола моего!
 „ Скажи, ужель я для того
 „ Себѣ духовника избрала,
 „ Который слѣпъ, который гдужь?
 „ Онъ гадокъ былъ бы для старухъ
 „ Не только для меня. И я-же,
 „ Такого изверга любя,
 „ Какъ ты, котораго пѣть гаже,
 „ Его избрала для себя
 „ Духовникомъ. Виновной даже
 „ Онъ не слыхалъ меня ни въ чемъ.
 „ Невинности онъ удивлялся.
 „ Да знаешь-ли, что даже въ томъ
 „ Онъ очень долго сомнѣвался
 „ Что замужемъ я. Только шагъ —
 „ Что говорю? — одни намѣки
 „ На этотъ счетъ — и онъ на вѣки
 „ Мнѣ бѣ сталъ непримиримый врагъ.

СXLVII.

„ Зачѣмъ межъ молодежью всею
 „ Я никакому, никогда
 „ Не предавалась кортейю?
 „ Зачѣмъ, скажи мнѣ, куда

„Я изъ дому не ѣзжу, кромѣ
 „Въ театрѣ да на вечерь? Все въ домѣ
 „Сижу я. Изрѣдка въ соборѣ
 „Къ обѣднѣ ѣзжу на молитву,
 „Да иногда къ быкамъ на битву.
 „Затѣмъ ли я до этихъ поръ,
 „Искателей имѣвъ столь много,
 „Такъ обходилась съ ними строго?
 „Графъ О’Релли, что взялъ Алжиръ,
 „Самъ разсказалъ на цѣлый мѣръ
 „Какъ поступила я жестоко
 „За то, что онъ зашелъ далеко!

СXLVIII.

„Не тщетно-ль мнѣ полгода пѣлъ
 „Любовь *Musico di* Каццани?
 „Не всѣ ль мученья претерпѣлъ
 „Его соотчичъ, графъ Корньяни?
 „Не отъ него-ль узналъ весь свѣтъ,
 „Что добродѣтели нѣтъ
 „Жены въ Испаніи? Француза
 „Не одного отвергла я.
 „Я лорда Мунта Коффыгуза,
 „Котораго краса моя
 „Въ отчаяніе приводила,
 „Порядкомъ за любовь отбрила.
 „Графъ Строговъ былъ тожь влюбленъ,

.. А много-ль иолучилъ и онъ?
 .. Съ чѣмъ онъ въ Россію возвратился?
 .. Всѣмъ женамъ въ этомъ я примѣръ.
 .. И прошлый годъ еще влюбился
 .. Въ меня одинъ ирландскій перъ;
 .. Что жь? отъ тоски ко мнѣ любовной
 .. Онъ жизни самъ себя лишилъ —
 .. Для этаго годъ цѣлый ровно
 .. Напитки крѣпкіе онъ пилъ.

СХLIX.

.. Не два-ль епископа пылали
 .. Ко мнѣ любовью наконецъ?
 .. И донъ-Фернандо де-Нюнецъ,
 .. И герцогъ Ихардъ. Умирали
 .. Они у ногъ моихъ. А ты . .
 .. Ждала-ль я этаго разбою?
 .. Ты слышишь сплетни, клеветы —
 .. И поступаешь такъ со мною,
 .. Съ женою вѣрною твоей?
 .. Вотъ дождалась какой я доли!
 .. Что я? гдѣ мы? у дикихъ, что-ли?
 .. Ты добръ еще! вѣдь ты сильнѣй,
 .. И вѣдь не слажу я съ тобою —
 .. Ты можешь, ежели я стою,
 .. Меня, еще пожалуй, съчь . .
 .. О рыцарь храбрый, благородный!

„Къ чему ты обнажилъ свой мечъ?
 „Ты занять ролью превосходной.

СЛ.

„Теперь я повяла о чемъ
 „Ты думалъ, находя предлоги
 „Къ пути неожиданному, вдвоемъ
 „Съ мерзавцемъ стряпчимъ. Отъ тревоги,
 „Смотри, какимъ онъ дуракомъ
 „Вонъ тамъ стоитъ. А, понимаю.
 „Я васъ обоихъ презираю;
 „Но больше во сто разъ его.
 „Для поведенія такого
 „Нѣтъ извиненья никакаго.
 „Я очень знаю: для него
 „Два мараведиса довольно,
 „Чтобъ онъ запыхался неволью —
 „И всѣмъ вотъ-этимъ подлецамъ.
 „Я знаю эту дружбу къ намъ.

СЛІ.

„А если онъ затѣмъ приходитъ,
 „Чтобъ актъ свершить — пуск'ь, пускай!
 „Ну что жь? толкуй да начинай;
 „Пусть хоть сейчасъ процессъ заводитъ;

„Пусть ищетъ онъ вины моей.
 „Не лъзя ли только повѣривъ,
 „Чтобъ плутней не было, да складно?
 „За глупости платить досадно.
 „Онъ долженъ очень быть уменъ!
 „Увидимъ, что напишетъ онъ!
 „Вотъ и перо, вотъ и чернила;
 „Но пусть всѣ ваши Алгвазилы
 „Скорѣй изъ спальни выйдутъ вошь!
 „Да выгоните сволочь эту!
 „Ну, право, силы нѣтъ терпѣть!
 „Я не позволю имъ глядѣть
 „На голую Антуанету.“
 Тутъ у Антоніи слеза
 Съ рѣсницы капнула, сверкая,
 При словѣ: — Ахъ, когда-бъ могла я
 Имъ выцарапать всѣмъ глаза! —

СЛІІ.

„Ну что же вы теперь стоите?
 „Ищите, господа, ищите!
 „Вотъ мой альковъ, вотъ кабинетъ!
 „Вотъ вамъ софа, вотъ туалетъ!
 „Мнѣ этотъ обыскъ сталъ ужъ веселъ.
 „Да поищите тутъ межъ креселъ!
 „Да загляните же въ каминъ!
 „Онъ такъ уютенъ для мужчинъ.

- „Вы вашу знаете науку?
 „Но только, поскорѣй, безъ стуку!
 „Я спать хочу; ужь время спать.
 „А послѣ можно-ль увидать
 „Того, кто здѣсь сидитъ такъ тайно?
 „Когда отыщете случайно
 „Любовника вы моего,
 „Нельзя ли показать его?

СЛІІІ.

- „Твои друзья въ остолбенѣнны;
 „Они не знаютъ что начать.
 „Нѣтъ, нѣтъ, гидальго! Обвинять
 „Меня ты вздумалъ въ преступленьи?
 „Нанесъ обиду ты женѣ?
 „Открой-же мнѣ, признайся мнѣ,
 „Кто онъ, любовникъ этотъ чудный?
 „Въ какомъ онъ чинѣ наконецъ?
 „Я думаю, вопросъ не трудный.
 „Я полагаю, молодецъ
 „Лѣтами, ростомъ, красотою;
 „Надвюсь, статенъ и великъ
 „И ужь навѣрно не старикъ?
 „Вѣдь я хорошенькаго стою!
 „О, если на мою вы честь
 „Такъ посягаете ужасно,

„Такъ знайте, что готова месть:
 „Вамъ это не пройдетъ напрасно.

CLIV.

„Онъ не шестидесяти лѣтъ?
 „Я думаю! Сомнѣнья нѣтъ!
 „Въ прелестные такіе годы,
 „Въ порѣ любви, въ порѣ свободы,
 „Кто бъ захотѣлъ убитымъ быть?
 „Да какъ и ревность заслужить
 „Ему отъ юноши такого
 „Какъ вы? И намъ на умъ придетъ,
 „Что старика плохой расчетъ
 „Припятъ за мужа молодого,
 „Взявъ кашель, скуку и труды.
 „Антонія, подай воды!
 „Ахъ я сама стыжусь, ачу.
 „Могли ли маминька моя
 „И папинька узнать, что я
 „Всѣ годы лучшіе утрачу
 „Съ негоднымъ извергомъ такимъ
 „Ревнивымъ, гадкимъ и сѣдымъ?

CLV.

„Вы можетъ быть приревновали
 „Мою Антонію ко мнѣ?
 „Когда сюда вы прибѣжали

„Мы были здѣсь самъ-другъ, однѣ.
 „Ищите же, перекидайте
 „Все къ верху дномъ, все что ни есть.
 „Такъ! шарьте, шарьте, продолжайте —
 „Какая слава! что за честь!
 „Но если вы опять придете
 „Съ прелестнымъ обществомъ такимъ,
 „Вы, я надѣюсь, подождете,
 „Пока могу я передъ нимъ
 „Явиться нѣсколько достойнѣй:
 „Пускай потерпятъ господа,
 „А я избавлюсь отъ стыда,
 „И наряжусь благопристойнѣй.

CLVI.

„Я кончила, гидальго — такъ!
 „И сихъ немногихъ словъ довольно,
 „Чтобъ доказать вамъ, какъ мнѣ больно.
 „Но пусть теперь увидить всякъ,
 „Какъ втайнѣ лютыя печали
 „Грызутъ невинныя сердца.
 „Дай Богъ, чтобъ вы и до конца
 „Мученій совѣсти не знали!
 „Дай Богъ, чтобъ не послалъ вамъ рокъ
 „За наказанье скорьби, злѣе
 „Моей Антоні ! скорѣе
 „Подай мнѣ носовой платокъ!“

CLVII.

Тутъ дона-Юлія свалилась
 Въ подушку. Чориые глаза
 Сверкали. Межь рѣсницъ свѣтилась
 Кристалловидная слеза.
 Не такъ ли сквозь лѣса дремучи
 И дождь и молвія изъ тучи
 Проникнуть вдругъ, когда гроза
 Найдеть неожиданная. Ланиты
 Отънены, полузакрыты
 Кудрями черными ея.
 Сквозь нихъ, какъ бы сквозь покрывало,
 Слезъ яркихъ много у нея
 Переливалось и сіяло.
 Но многочисленныхъ кудрей
 Къ спинѣ катящіяся волны
 Не могутъ скрыть ея плечей,
 Которые такъ бѣлы, полны
 Она то всхлипнетъ, то вздохнетъ,
 Уста трепещутъ, запинаясь,
 И грудь, волнуясь, колыхаясь,
 То подойдетъ, то упадетъ;
 Оттуда сердце такъ и рвется —
 И сильно, пылко, тяжело бьется.

CLVIII.

Повѣсилъ голову сеноръ.
 И впрямь конфузія какая!

Антонія бросала взоръ
 Предерзкій — будто вызывая,
 Нахальница, на смертный бой
 Весь этотъ мирмидонянъ рой.
 Имъ всѣмъ не ловко что-то было.
 Взадъ и впередъ она ходила
 По комнатѣ, гдѣ къверху дномъ
 И все на выворотъ валялось.
 Одинъ лишь прокуроръ, казалось,
 Не потерялся зналъ о томъ,
 Что заведись гдѣ въ свѣтъ ссора,
 Тотчасъ къ нему прибѣгнемъ свѣтъ.
 Законъ на сцену — нѣтъ въ томъ спора —
 А о причинахъ нужды нѣтъ.

СЛІХ.

Принявъ позицію сомнѣнья,
 Не шевелясь, какъ вѣрный пестъ,
 Онъ поднялъ луковичный носъ,
 И будто нюхалъ всѣ движенья
 Антоніи — какъ бы чутьемъ
 Ихъ понималъ, слѣдя за ними
 Глазами узкими своими.
 Ему какое дѣло въ томъ,
 Что репутація тутъ страждетъ?
 Онъ слѣдствій, онъ процессовъ жаждетъ;

А молодость, а красота —
 Для прокурора все мечта.
 Онъ за пирательствамъ не вѣритъ
 Коль скоро доводъ не готовъ;
 Онъ правды иначе не мѣритъ,
 Какъ по законамъ, какъ со словъ
 Присяжныхъ вѣрныхъ, справедливыхъ,
 Иль двухъ свидѣтелей фальшивыхъ.

CLX.

А ужь Альфонсо былъ смѣшонъ!
 Въ смиренную ставъ позитуру,
 Глаза потупилъ въ землю онъ
 И здѣлалъ изъ себя фигуру
 Преглупую. Какая честь
 Жену обидить молодую,
 И къ ней полунагой привести
 Всю эту сволочь городскую.
 И что ему въ томъ похвалы,
 Что онъ обшарилъ всѣ углы,
 Въ глазахъ всей приведенной дряни?
 Альфонсо жизни былъ не радъ.
 А тугъ посыпались какъ градъ
 Ругательства, попрѣки, брани —
 И отъ супруги онъ никакъ
 Не могъ отдѣлаться, бѣднякъ.

CLXI.

Просить онъ вздумалъ извиненья,
 Сталъ по́дъ носъ ворковать — и что жь?
 Въ отвѣтъ: подъ ложечкой давленье,
 Родъ обморока, спазмы, дрожь,
 Какой то признакъ лихорадки,
 Рыданья, вздохи — всѣ припадки
 Истерики и тяжкій стоиъ.
 Тутъ, глядя на жену, впервые
 Объ Ювѣ припомнилъ онъ.
 Вокругъ него его родные;
 Они не знаютъ гдѣ ступить
 Ну какъ терпѣнье получить?

CLXII.

Онъ говорить, или вѣрнѣе
 Онъ что-то вздумалъ бормотать;
 Но тутъ Антонія скорѣе
 Рѣшилась разговоръ прервать:
 „Да Бога ради уходите!
 „Она умретъ! вы посмотрите!
 „Вамъ хочется убить жену?“
 — Чтобъ чортъ взялъ эту сатану! —
 Онъ проворчалъ не обинуясь —
 И все же вышелъ между тѣмъ,
 Не понимая самъ зачѣмъ,

Субреткѣ дерзкой повинуюсь.
 Сверкало грозно пламя глазъ —
 Взглядъ говорилъ, что месть готова;
 Но молча вышелъ онъ, ни слова .
 Альфонсу было не до фразъ.

CLXIII.

И posse comitatus слѣдомъ
 За разтревоженнымъ сосѣдомъ
 Пошло — всѣхъ позже прокуроръ.
 Онъ шелъ шажкомъ, шажкомъ; въ тревогѣ
 Остановился на порогъ;
 Антонія, на переборъ,
 Его толчкомъ швырнула въ дворъ.
 Его такая неудача
 Бѣсила Чтобы за задача,
 Что донъ-Альфонсо, да такой
 Далъ промахъ глупый и смѣшной?
 Такъ на порогъ размышляя,
 Терялся въ мысляхъ онъ теперь,
 Когда ему субретка злая
 Захлопнула вдругъ подъ носъ дверь.

CLXIV.

И вотъ ужъ обѣ на просторъ.
 Задвижка щолкнула — и вдругъ .

О стыдъ! о женскій полъ! о горе!
 Ну кто бы не пришелъ въ испугъ?
 Ну какъ злодѣйкѣ столь порочной
 Гордиться славой доброй, прочной?
 И что священнѣй въ мѣрѣ есть,
 Что выше блага, какъ не честь,
 Для женщины и для мужчины?
 И эта честь — она обманъ!
 Вдругъ выскочилъ изъ подъ перины
 Полузадохшійся Жуанъ.

СЛXV.

Онъ спрятанъ былъ; не растолкую
 Какъ онъ мѣстился, какъ лежалъ.
 Бывъ молодъ, гибокъ, небольшую
 Жуанъ площадку занималъ.
 Въ комокъ или въ квадратъ свернулся,
 Закрывать и стиснуть со сторонъ,
 Хотя-бы даже задохнулся
 Подъ парочкой красавицъ онъ,
 Кто бъ пожалѣлъ о немъ? къ тому-же,
 Мнѣ кажется, гораздо хуже
 Свой жизненный окончить путь
 Подобно пьяницѣ герцогу
 Кларенскому: ну какъ, ей-Богу,
 Въ мальвуазіи утонуть?

CLXVI.

И нужно-ль было запрещенный
И страшный грѣхъ ему творить,
Грѣхъ цѣлымъ міромъ осужденный,
И за который штрафъ платить
Законъ приговорилъ публично?
По-крайней-мѣрѣ не прилично
Начать грѣшить въ шестнадцать лѣтъ.
Но здраваго разсудка нѣтъ
У насъ въ столь молодая лѣты;
А совѣсти гдѣ и примѣты!
Она молчитъ. Но вотъ тогда
Какъ лѣтъ десятковъ шесть намъ стукнетъ,
Тогда и совѣсть вдругъ аукнетъ:
Тутъ мы увидимъ что бѣда;
Всѣ старыя проказы сряду
Мы перечтемъ. Плохи дѣла!
Все прибралъ чортъ: достались аду
Всѣ наши души и тѣла.

CLXVII.

Распространяться ли безъ нужды
О положеніи, въ какомъ
Жуанъ мой былъ? и что мнѣ въ томъ?
Подробности всегда мнѣ чужды.
Въ еврейской хроникѣ оно

Описано давнымъ - давно.
 Однажды гдѣ - то и когда - то
 Разслабленному одному,
 Не помню именно кому,
 Который въ медицину свято
 И всею вѣровалъ душой,
 Гомеопаты прописали
 Рецептикъ слушайте какой
 (А господа - то дѣло знали):
 Когда, чѣмъ нездоровъ больной
 Врачи какъ слѣдуетъ смѣкнули,
 Они микстуры и пилюли
 Ему велѣли позабыть,
 И, вмѣсто пластыря, къ желудку
 Младую дѣву приложить.
 Уже по здравому разсудку
 Рецептъ весьма успѣшенъ былъ.
 И я къ нему имѣю вѣру.
 Но дурно, что Жуанъ манеру
 Прикладыванья измѣнилъ:
 Того — лѣкарство излѣчило,
 Жуана жь — чуть не уморило.

CLXVIII.

Что имъ начать? что дѣлать имъ?
 На что имъ наконецъ рѣшиться?
 Альфонсо вѣрно возвратится,

Какъ скоро дуракамъ своимъ
 Отставку дасть. Недоумѣнье
 У нихъ написано въ глазахъ;
 Они въ тревогъ, въ затрудненьи,
 Ихъ давить нестерпимый страхъ;
 Ихъ стыдъ и не удача мучить.
 Что имъ начать? Кто ихъ научить?
 Антонія хитра, умна —
 Авось придумаетъ она.
 Но тщетно та за лобъ берется —
 Ничто на умъ пейдетъ. Бѣда!
 Какъ мужу дать отпоръ, когда
 Атака новая начнется?
 Какъ удержаться, устоять?
 Ужь скоро станетъ разсвѣтать;
 Часъ первый есть. Уже не рано.
 Молчить и плачетъ красота —
 И поблѣднѣвшіе уста
 Приблизила къ устамъ Жуана.

CLXIX.

Опять душа ея влилась
 Въ него палящими устами;
 Какъ уголь черными очами
 Опять она въ него влилась;
 Какъ разсыпаются морскіе
 Валу, ударясь о скалу,
 Такъ по высокому челу,

При эготъ, локоны гусмые
 Разсыпались — и томный взглядъ
 Сокрыли черной пеленою;
 Но ихъ небрежною рукою
 Она откинула назадъ.
 Тогда терпѣнье потеряла
 Антонія; разсержена,
 „Да образумтеся!“ вскричала
 Съ негодованіемъ она.
 „Да полноте! Ну что вы, что вы?
 Ужели вы опять готовы
 Такіе страхи перенести?
 Нашли-же время цѣловаться!
 Ужели минуты лучшей нѣтъ?
 Какъ вамъ не надоѣсть лизаться?
 Запретъ мальчишку въ кабинетъ.

СЛХХ.

„О Jesus - Магіа, оставьте
 Хоть на счастливѣйшую ночь
 Всѣ эти глупости! Представьте
 Что съ вами нынѣ; чѣмъ помочь
 Такой бѣдѣ? Ну, такъ! прекрасно!
 Я перепугана ужасно;
 Я выбилась совсѣмъ изъ силъ.
 Кой чортъ и барину внушилъ
 На васъ такія подозрѣнья.
 Ну что жъ вы? Право нѣтъ терпѣнья!

Да перестаньте ворковать.
 Вѣдь вотъ придетъ опять сожитель;
 Вѣдь мнѣ за васъ не погибать!
 А все вотъ этотъ соблазнитель.
 Ужь есть къ кому питать любовь!
 Да онъ лишь годенъ въ институтки.
 Вотъ вамъ свиданья, вотъ вамъ шутки!
 Тутъ пахнетъ кровью можетъ кровь

CLXXI.

„Ну если бы по-крайней-мѣрѣ
 Все дѣло шло о кавалерѣ
 Хотя въ двадцать пять, хотя въ тридцать лѣтъ;
 А то и этаго въ немъ нѣтъ.
 Что можетъ въ мѣрѣ быть смѣшнѣе?
 И что за прелесть, что за вкусъ?
 Голобородый, въ сливахъ усь.
 Жуанъ, да нуте же скорѣе!
 Куда, куда вы? Вотъ гдѣ дверь.
 Ступайте да скорѣй ходите
 А! вотъ онъ, подъ ключемъ теперь,
 Молодчикъ. Только не засните.“

CLXXII.

Приходъ Альфонса одного
 Окончилъ рѣчь субретки вѣрной.

Не лзя отбиться отъ него!
 Противный мужъ! ревнивецъ скверный
 Когда бы чортъ его побралъ.
 Субреткѣ хочется остаться,
 Но баринъ выдти приказалъ. —
 Осталось ей повиноваться.
 Да вѣдь она не помогла бѣ,
 Хотя и въ комнатѣ была бѣ.
 Она на барыню взглянула,
 Потомъ на барина; со стула
 Взяла свѣчу и вышла вонъ,
 Отвѣсивъ обоимъ поклонъ.

CLXXIII.

Прошло минуты двѣ молчанья;
 Ему ничто нейдетъ на умъ.
 Ночной соблазнъ, тревога, шумъ —
 Къ чему они? Гдѣ оправданья?
 Какой дрянной мужьямъ примѣръ!
 И такъ, не мысля оправдаться,
 Альфонсо долженъ былъ признаться
 Что вель себя какъ кавалеръ
 Воспитанный не множо дурно.
 Жену обидилъ, испугалъ,
 Друзьямъ нагую показалъ,
 Всю ночь провелъ такъ буйно, бурно
 Ревниваго супруга роль

Была въ то время незавидна,
 А рѣчь его, признаться стыдно,
 Была прямая *rigmarole*.

CLXXIV.

Но Юлія въ отвѣтъ ни слова;
 Хотя ихъ нація готова
 На каждый рѣчи періодъ
 Сожителю тотчасъ отвѣтить.
 Таковъ уже ихъ дамскій родъ.
 Вѣдь стоитъ женщине подмѣтить
 Въ мужчинѣ слабую струну:
 Пусть муженекъ тогда жену
 Учить иль исправлять затѣетъ —
 Она предъ нимъ не оробѣетъ.
 Онъ будетъ озадаченъ такъ
 Какъ на мѣль выкинутый ракъ.
 Находчивость есть кладъ для свѣта,
 Съ ней можно море въ бродъ пройти;
 Все дѣло въ быстротѣ отвѣта,
 А трудно ли его найти?
 И если мужъ уничтожаетъ
 Своей жены невинной честь,
 И если васъ онъ упрекаетъ
 Въ томъ, что у васъ любовникъ есть —
 Я вамъ секретъ скажу — хотите?
 Онъ замолчить, держу пари.

Вы на отрѣзъ ему скажите,
 Что у него любовницъ три.

CLXXV.

И Юлія, такъ какъ изъ книги,
 Всѣ обстоятельства интриги
 Его съ Инезою прочла - бѣ —
 Она въ свидѣтели могла - бѣ
 Призвать весь городъ: всѣ старухи
 На улицахъ, на площадяхъ
 Ужь говорили. Эти слухи
 Гремѣли въ дальнихъ городахъ.
 Но что жь? Добра и деликатна,
 Она боялась оскорбить
 Жуана. Вѣрно не пріятно
 Ему извѣстье получить,
 Что маминька такъ скандалѣзно
 Изволить поступать. А онъ
 Родительницу пріученъ
 Отъ дѣтства чтить религі

CLXXVI.

А можетъ быть еще у ней
 Была причина поважнѣй,
 Чтобъ такъ молчать предъ нимъ упрямо?
 Альфонсо крѣпко ревновалъ

Онъ ревновалъ такъ очевидно,
 Что даже кажется и стыдно.
 Однако-жь онъ не указалъ
 На донъ-Жуана прямо, явно.
 На что-жь объ немъ напоминать?
 Инезу громко называть
 Было-бъ и глупо и забавно.
 Объ ней довольно намѣкнуть
 Чтобъ дѣло вывести наружу;
 А это значило бы — мужу
 Жуаномъ прямо въ лобъ швырнуть.

CLXXVII.

Въ дѣлахъ примѣрно щекотливыхъ,
 Къ бѣдѣ приводятъ пустяки;
 Тутъ не до фразъ краспорѣчивыхъ,
 Тутъ очень часто мастерски
 Мужья побѣждены молчаньемъ.
 На этотъ счетъ какой-то тактъ
 У жеищинъ есть. Мнѣ оправданьемъ
 И риѣма служить: это фактъ.
 Да, потихоньку, осторожно,
 Испорченное дѣло можно
 Привести къ хорошему концу;
 А послѣ можно отолгаться.
 Созданья милая! признаться,
 Вамъ ложь особенно къ лицу.

CLXXVIII.

Мужчины, мы не лицемѣримъ
 Предъ женщинами никогда.
 За то мы отъ души имъ вѣримъ;
 По-крайней-мѣрѣ такъ всегда
 Я поступаю. И къ чему бы
 Мы здѣлались такъ наглы, грубы,
 Чтобъ ихъ допрашивать? на что?
 Вѣдь несравненно беззаботнѣй
 Повѣрить съ разу. А не то
 Мы здѣлаемъ словоохотнѣй
 Подругу. Станетъ рѣчь длинна —
 А задохнется ли она
 Отъ рѣчи длинной? Нѣтъ, вздыхаетъ,
 Иль охаетъ, иль потупляетъ,
 Какъ неповинная, глаза;
 Потомъ скатится вдругъ слеза,
 Потомъ другая мы зададимся
 Ну, а потомъ? ну что жъ потомъ?
 Потомъ въ столовую, садимся,
 И станемъ ужинать вдвоемъ.

CLXXIX.

Альфонсо кончилъ рѣчь — терпѣнье
 Своей супруги истощилъ;
 Но столь желанное прощенье
 Лишь въ половину получилъ.

Лишенья терпимъ мы большія,
 Когда на насъ супруги злы;
 И есть кондиціи такія,
 Которые намъ тяжелы.
 Альфонсу отказала дама,
 За наказанье, на прямикъ
 Въ той вещи, къ коей онъ иривыкъ.
 И онъ похожъ былъ на Адама,
 Когда невыразимый свѣтъ
 Сквозь вратъ кристальныхъ созерцая,
 Нашъ дѣдушка у прага Рая
 Стоялъ, стоялъ — а входа нѣтъ
 Онъ все простилъ, забылъ укоры,
 Онъ жизнь отдать ей былъ готовъ —
 Вдругъ, пораженъ, вперилъ онъ взоры
 Куда? — на пару башмаковъ.

CLXXX.

На пару башмаковъ? вотъ чудо!
 Вѣдь это обувь. Что въ ней худо?
 Все такъ, читатель мой, все такъ!
 И я-бъ сказалъ что то пустякъ,
 Когда бъ въ той обуви ходили
 Двѣ ножки дамскія, и были
 Они малютки башмачки —
 А то такіе пребольшіе,
 Пренеуклюжіе, мужскіе,

Короче, просто — башмаки,
 Не изъ матеріи — изъ кожи!
 Альфонсо прыгнуль къ нимъ, схватилъ
 О Боже, о великій Боже!
 Онъ вздрогнулъ, вспыхнулъ, ротъ раскрылъ,
 Какъ листъ трясется и блѣднѣетъ
 Я трепещу — кровь леденѣетъ!

CLXXXI.

И вотъ его ужъ въ спальнѣ нѣтъ;
 Онъ побѣжалъ уже за шпагой.
 Простясь съ послѣднею отвагой,
 Она къ Жуану въ кабинетъ:
 „Бѣги, когда меня ты любишь!
 „Бѣги скорѣй, бѣги Жуанъ!
 „Скорѣй! иль самъ себя погубишь!
 „И я погибну! Онъ тиранъ! .
 „Сюда, вотъ этимъ корридоромъ,
 „А послѣ въ садъ и подъ заборомъ
 „Бѣги, прощай, спѣши, спѣши!
 „Альфонсо дверь ужъ отпираетъ
 „Еще темно, не разсвѣтаетъ
 „На улицахъ нѣтъ ни души.“

CLXXXII.

Советъ обдуманъ былъ прекрасно:
 Одинъ прыжокъ — и онъ въ саду;
 А тамъ въ калитку, это ясно;

Но только жаль, что на бѣду
 Для исполненія совѣта
 Жуану ни минуты нѣтъ.
 Хоть выскочить изъ кабинета
 Труднѣй, чѣмъ прыгнуть въ кабинетъ. —
 А все таки-хорошъ совѣтъ.
 Вотъ такъ всегда мы на расплатъ
 За опытность. Онъ въ спальню — вдругъ
 Со шпагой, со свѣчой, въ халатъ,
 Лицомъ къ лицу предъ нимъ супругъ.
 Ему грозитъ онъ смертью лютой —
 И нѣтъ спасенья для него!
 Тутъ должно дорожить минутой:
 Онъ наполь повалилъ его.

СЛXXXIII.

Они въ ужасный бой вступили —
 Другъ друга мями и душили.
 Свѣча погасла; только стукъ
 Былъ слышенъ ото лбовъ и рукъ.
 „Пожаръ, пожаръ!“ кричитъ супруга;
 „Разбой, разбой!“ кричитъ подруга.
 Но ни одинъ изъ слугъ не всталъ;
 Ни кто на помощь не вбѣжалъ.
 Какъ вепрь израненный, сердитый,
 Супругъ, любовникомъ избитый,
 Ревѣлъ: „я завтра разочтусь!

Я завтра-же найду расправу!“
 Повыся голосъ на октаву,
 Жуанъ пищаль: „я не боюсь!“
 А между тѣмъ все шла работа:
 Онъ продолжалъ врага душить.
 Да, впрочемъ, что-же за охота
 Жуану мученикомъ быть?

CLXXXIV.

Альфонсо думалъ шпагу вынуть,
 И соблазнителя низринуть
 Туда, гдѣ мы средь тяжкихъ мукъ
 Должны страдать за прегрѣшенья —
 Вдругъ шпага выпала изъ рукъ!
 То былъ Жуану мигъ спасенья.
 И озадаченъ и взбѣшонъ
 Такой попыткой неудачной,
 Супругъ вступить былъ принужденъ
 Въ иную битву: въ бой кулачный —
 Врага царапалъ онъ, кусалъ.
 Увертливъ, съ мастерской сноровкой,
 Жуанъ былъ занятъ потасовкой
 И къ счастью шпаги не видалъ;
 Не то, какъ дважды два четыре,
 Не жить бы мужу въ этомъ мѣрѣ.
 О жены! пусть васъ Богъ проститъ,
 Вы поступаете ужасно:

Не забывайте что всечасно
Вдовство двойное вамъ грозитъ?

CLXXXV.

Альфонсъ часъ-отъ-часу злобище
Жуана грызъ и тормошилъ;
Жуанъ, чтобъ вырваться скорѣе,
Альфонса какъ козла душилъ.
Тутъ нашъ повѣса и пріятель
Всѣ церемоніи — долой —
И вотъ ужъ кровь течетъ струей
Не безпокойтесь, мой читатель!
Не безпокойтесь, эта кровь
Текла лишь изъ носу. И вновь
Ударъ! отбиться есть надежда.
Какъ градъ посыпались толчки
Но вдругъ послѣдняя одежда
На немъ порвалася въ клочки —
И онъ бѣжалъ что было мочи,
Прикрытый темнотою ночи.
Такъ отъ Пентефрія жены,
Покинувъ у нея хламиду,
Бѣжалъ Іосифъ. А по виду
Герои, кажется, равны.

CLXXXVI.

Вотъ принесли свѣчей; всѣ слуги
И всѣ служанки, въ перепугъ,

Встревоженные кутерьмой,
 Вбѣжали бурною толпой.
 Спектакль не дурень былъ. Едва-ли
 Они другой такой видали.
 Антонія тряслась въ углу
 И спазматически рыдала;
 Тамъ въ обморокъ на полу
 Въ сорочкѣ барыня лежала;
 А баринъ безъ дыханья здѣсь
 Въ дверяхъ алькова растянулся:
 Халатъ разорванъ, распахнулся,
 И кровью полъ обрызганъ весь!
 Самому баришу въ подарокъ
 Толчокъ порядочный поднесъ
 Антагонистъ подъ самый носъ.
 Тамъ, возлѣ тлѣль свѣчи огарокъ,
 Въ рукѣ торчалъ штановъ кусокъ,
 Здѣсь башмаковъ лежала пара,
 И, полувынуть изъ футляра,
 Сверкалъ убійственный клинокъ.
 А между тѣмъ, подъ шумъ тревоги,
 Жуанъ — къ калиткѣ, ключъ въ замокъ —
 И къ маминькѣ давай Богъ ноги.

CLXXXVII.

И такъ я первую мою
 Окончилъ пѣснь. Я не пою,

О томъ какъ нашему герою
 Съ опаснаго случилось бою,
 Почти въ природной наготѣ,
 Спасаться бѣгствомъ въ темнотѣ.
 Севилья сномъ была повита,
 Покрыта мрака епанчей,
 Когда въ костюмѣ адамита
 Бѣжалъ нашъ баловень домой.
 На утро слухъ распространился
 О томъ по городу стрѣлой;
 На утро старыхъ сплетницъ рой
 И злоязычниковъ столпился —
 И долго онъ шумѣлъ, жужжалъ
 И до гостинной отъ передней
 Безъ умолку передеталъ
 Разказъ, съ прибавкой кучи бредней.
 Конечно, этотъ сплетницъ полкъ,
 Хотя не скоро, но умолкъ,
 Какъ умолкаетъ все на свѣтѣ,
 Да только дѣло-то давно
 Уже было помѣщено
 Во всей подробности въ газетѣ.

CLXXXVII.

Когда хотите изучить
 Вы дѣла этаго теченье;
 Когда хотите вы сравнить

Съ прошенъемъ каждое прошенъе,
 И на чью сторону процессъ
 Имѣлъ въ палатѣ перевѣсъ;
 Чѣмъ кончились очныя ставки,
 Какъ забирали судьи справки
 И за и противъ; видѣть споръ
 Юрисконсультовъ, приговоръ
 Судейскій, сущность депозицій —
 Объ этомъ много вы эдицій
 Найдете. Я вамъ за успѣхъ
 Ручаюсь. Впрочемъ, лучше всѣхъ
 И положительнѣй, вѣриже,
 Гурней объ этомъ говоритъ.
 Я это все нашелъ въ Гурнеѣ:
 Онъ вояжировалъ въ Мадритъ.

CLXXXIX.

Чтобъ злоязычниковъ развѣять,
 Какъ по вѣтру гусиный пухъ,
 Чтобъ публику занять, разсѣять
 И уничтожить этотъ слухъ,
 Инеза въ пятницы постилась
 И послѣ наконецъ рѣшилась
 Дать умигательный обѣтъ
 А вѣдь о томъ извѣстенъ свѣтъ,
 Какъ святы для нея обѣты.
 И такъ она полпуда свѣчь

Дала объѣтъ въ часовнѣ сжечь.
 Потомъ ей подали совѣты
 Сосѣдки, сына чтобъ послать
 Немножко свѣта повидать.
 Повояжировать не худо!
 Жуанъ нашъ въ Кадиксъ снаряжонъ —
 И моремъ Средиземнымъ онъ
 Поѣдетъ далѣе оттуда.

СХС.

Она хотѣла, чтобъ Жуанъ
 Увидѣлъ — что такое море,
 Узналъ всѣ дивы дальныхъ странъ
 И къ ней-бы возвратился вскорѣ,
 Какъ нѣкій Фениксъ. Чтобъ средь волнъ
 Очистился отъ тревоженій
 Материка; и чтобы, полнъ
 Новѣйшихъ, пылкихъ впечатлѣній
 Забылъ о Юліи своей.
 Онъ будетъ многому свидѣтель,
 И правственность и добродѣтель
 Онъ привезетъ изъ за морей.
 Чему учиться у Испанцевъ?
 Нѣтъ! у Французовъ, Итальянцевъ —
 Тамъ благо молодыхъ людей.
 А Юлію на покаянье
 Сослали въ монастырь,

Она прекрасное посланье
Составила. Вотъ списокъ вамъ :

СХСІ.

- „ Ты ѣдешь, мой Жуанъ, отсюда ;
 „ Ты покидаешь здѣшній край.
 „ Я не скажу, что это худо ;
 „ Напротивъ, другъ мой, поѣзжай.
 „ Тамъ благо ждетъ тебя иное
 „ Въ той незнакомой сторонѣ.
 „ Такъ! уѣзжай! но грустно мнѣ —
 „ Но я не знаю что такое
 „ Меня томить. Дышу едва.
 „ На сердце друга молодое
 „ Ужь я утратила права.
 „ Тебя моимъ не звать отнынѣ!
 „ Я одинока, я въ пустынѣ,
 „ Я вяну, сохну какъ трава.
 „ Какъ сильно я тебя любила!
 „ Какъ пылко! — Вотъ моя вина.
 „ Любовь безбрежная — она,
 „ Она меня и погубила.
 „ Но благодарна я судьбѣ:
 „ Ей благодарна за мгновенья
 „ Тоски, блаженства, наслажденья.
 „ Я наскоро пишу къ тебѣ.
 „ Когда - бы слезъ мнѣ дали море!

„ Ты видишь на письмѣ пятно;
 „ Но другъ мой, не отъ слезъ оно.
 „ Я плакать не могу! о горе!
 „ Глаза горятъ, глаза въ огнѣ —
 „ Нѣтъ слезъ! когда-бъ заплакать мнѣ!

СХСЦ.

„ Какъ я любила, другъ мой милый,
 „ Какъ я любила и люблю!
 „ Съ какой непостижимой силой
 „ И стыдъ и горе я терплю!
 „ Одно лишь у меня въ предметъ:
 „ Я посвятила все на свѣтъ
 „ Любви восторженной моей
 „ Вся цѣль моя, все благо въ ней!
 „ О другъ! я чувствовать умѣю! —
 „ Свободу, небо, имя, честь
 „ Утратила -- и не жалѣю,
 „ И все могу я перенести.
 „ Мнѣ сладко и воспоминанье
 „ О незабвенныхъ тѣхъ часахъ,
 „ О прошломъ благѣ, о мечтахъ;
 „ Мнѣ по душѣ мое страданье.
 „ Пусть злые люди какъ хотятъ
 „ Меня несчастную бранятъ;
 „ А я проступками моими
 „ Готова хвастаться предъ ними.

- „Еще не думалъ обо мнѣ
 „Никто такъ дурно, какъ сама я.
 „Пишу, спокойствія не зная.
 „Меня преслѣдуетъ вражда
 „Убита приговоромъ рока,
 „Не выражу я никогда
 „Къ тебѣ ни просьбы, ни упрѣка.

СХСШ.

- „Любовь — разсѣяность для васъ,
 „Игрушка, шалость, заблужденье;
 „Она — блаженство, иль мученье,
 „Она — иль жизнь, иль смерть для насъ.
 „Все манитъ васъ, все наполняетъ
 „Въ мужчинѣ сердца пустоту;
 „Васъ гордость, знатность увлекаетъ;
 „Вы ищете свою мечту
 „На полѣ битвъ, на полѣ славы;
 „Зовутъ васъ почести. Потомъ
 „За золотомъ, за серебромъ
 „Вы жадно гонитесь. Вы правы.
 „Для васъ путей довольно есть;
 „Вездѣ вамъ благо, всюду честь.
 „Вы кардиналы, царедворцы,
 „Вожди полковъ и стихотворцы
 „За лавръ вы льете вашу кровь,
 „И съ лавромъ къ намъ идете съ бою.

„А мы? что намъ дано судьбою?
 „Любовь, любовь, по гробъ любовь.

СХСІV.

„Ты много встрѣтишь наслажденій,
 „Занятій, славы и честей.
 „О милый другъ души моей!
 „Да будетъ всюду добрый геній
 „Всегда вожааемъ твоимъ!
 „Ты будешь многими любимъ,
 „И самъ любить ты многихъ будешь.
 „А я мой вѣкъ страдать должна:
 „Я заживо погребена .
 „Меня, быть можетъ, позабудешь
 „И ты, мой милый другъ, и ты!
 „Остались мнѣ однѣ мечты
 „О томъ, чему не быть, что было,
 „Что рано сердцу измѣнило.
 „Одинъ удѣлъ мнѣ: горькій стыдъ
 „И неизбѣжныя напасти;
 „Но гибельной и вѣчной страсти
 „Во мнѣ ничто не измѣнитъ.
 „Охъ! сердце вырваться готово!
 „И такъ прощай, на вѣкъ прощай!
 „Люби меня! не забывай!
 „Нѣтъ! . Безполезно это слово:

„Люби меня. А для чего?

„Но я не вычеркну его.

СХСV.

„Какъ я слаба была! И нынѣ

„Какъ я слаба! — себя виню.

„Но и въ снѣдающей кручинѣ

„Всѣ силы я соединю,

„Все посвящу моей любви

„Для ней разстанусь и съ душой.

„Я чувствую движенье крови

„Съ какой-то чудной быстротой.

„Къ тебѣ души моей влеченье!

„Весь вѣкъ магнитная игла

„Имѣетъ къ полюсу склоненье:

„Такъ сердце страсть мнѣ увлекла.

„О, какъ любовь краснорѣчива

„Въ уединеніи своемъ!

„Мнѣ страшно въ немъ! мнѣ дико въ немъ!

„Я женщина, я боязлива.

СХСVІ.

„Судьбы несчастная игра;

„Скорблю въ мученьяхъ и въ неволѣ.

„Ужь нечего писать мнѣ болѣ,

„Но бросить не могу пера.

„Чего-же мнѣ теперь страшиться?
 „Чего надѣяться, желать?
 „Я приложу къ письму печать,
 „Мою печать! ужь не таиться
 „Мнѣ отъ людей. О смерть, о смерть!
 „Могу-ль объятія простерть
 „Къ тебѣ, чтобъ снести во гробъ тревогу;
 „Но нѣтъ! я долго буду жить,
 „Чтобъ за тебя молиться Богу,
 „И чтобъ тебя любить, любить!“

СХСVII.

Не правда-ли, преинтересный,
 Премилый это billet-doux?
 Я вамъ другой такой найду!
 На батской, золотообрѣзной
 Бумажкѣ легинькимъ перомъ
 Онъ былъ написанъ чотко, ясно,
 Прелестнымъ почеркомъ, прекрасно.
 И донна, изписавъ кругомъ
 Листочка обѣ половинки,
 Увидѣла что мѣста нѣтъ,
 Не уронила ни слезинки,
 Вложила въ маленькой пакетъ —
 И ручка тихо задрожала,
Ну, какъ магнитная игла,
 Когда къ лампадкѣ поднесла

Сургучъ. Печать изображала
 Ее любимую мечту:
 Подсолвечникъ на корналинѣ,
 Съ девизомъ: Elle vous suit partout.
 И No. 1, superfine,
 Какого превосходнѣй нѣтъ,
 Сургучъ имѣлъ пунцовый цвѣтъ.

СХСVIII.

И такъ вотъ первая интрига
 Жуана. Стану-ль продолжать?
 Окончится-ль на этомъ книга?
 Не знаю что вамъ обѣщать.
 Отъ публики зависитъ дѣло:
 Ея капризъ — смертельный ядъ,
 Ея улыбка — цѣнный кладъ.
 При аппробаціи я смѣло
 Возьму перо — и черезъ годъ —
 Почисте этой, не такая —
 Въ печать поступутъ пѣснь вторая,
 Моихъ трудовъ посильный плодъ.

СХСІХ.

Но твердо въ томъ стоять я смѣю,
 Что всякъ большую эпопею
 Найдеть въ твореніи моемъ.

Двѣнадцать пѣсней будетъ въ немъ;
 Для каждой изберу предметы,
 И каждая — съ того начну —
 Вмѣститъ любовныя обѣты,
 Изобразитъ вполнѣ войну
 И экспедиціи морскія.
 Тутъ будутъ списки кораблямъ
 И адмираламъ и царямъ.
 Ужь эпизоды всѣ готовы —
 Ихъ будетъ только три всего;
 Характеры всѣ будутъ новы;
 Не упущу я ничего:
 Срисую панораму ада,
 И мнѣ *Виргилій* и *Гомеръ*
 Дадутъ отличнѣйшій примѣръ.
 Вы видите, что мнѣ награда
 Отъ васъ — эпическій вѣнецъ:
 Не даромъ дастся наконецъ.

СС.

Все будетъ у меня умѣстно;
 Пойду я слѣпо по стопамъ
Аристотѣля. Какъ извѣстно,
 Онъ *va de mesum* всѣмъ вѣкамъ;
 Учитель истинно высокій;
 Для насъ науку онъ создалъ;
 Вотъ кладезь чистый и глубоки

Отколѣ каждый вѣкъ черпалъ
 Примѣры, мнѣнія, законы,
 Безчисленные легионы
 И стихотворцевъ, и стиховъ
 И даже нѣсколькихъ глупцовъ.
 Хотя поэты водяные
 Пристрастны къ бѣлымъ всѣ стихамъ,
 Но все-жь признаться долженъ вамъ,
 Что я и риѣма пребольшіе
 Друзья. Мы свыклись жить вдвоемъ.
 Она служила мнѣ примѣрно;
 Ремесленнику съ ремесломъ
 Своимъ быть въ ссорѣ какъ-то скверно.
 Я миѣологию введу
 Свою, а не по старой модѣ;
 Чудесное свое найду,
 Въ иномъ, совсѣмъ отличномъ родѣ.
 Стараться буду я для васъ
 Чтобъ мысли были новы, живы,
 Чтобъ даже вы нашли подъ часъ
 И театральные порывы.

ССІ.

Къ тому жь я не такой поэтъ,
 Какъ прежніе поэты — нѣтъ!
 Межь нами разница большая,
 И признаюсь — сдается мнѣ,

Верхъ долженъ быть на сторонѣ
 Моей, затѣмъ что сочиняя,
 Такъ украшеньями всегда
 Предметъ свой эти господа
 Собыють и спутають ужасно,
 Что средства нѣтъ найти ту нить,
 Которая могла-бъ всечасно
 Изъ лабиринта выводить.
 А я — я такъ писать намѣренъ,
 Чтобъ мой разсказъ былъ чистъ и вѣренъ.

ССІІ.

А паче чаянья, когда
 Иной затѣветъ сомнѣваться,
 Ну что я здѣлаю тогда?
 Тогда я стану упираться
 На произшествій длинный рядъ;
 Тогда поставлю передъ взглядъ
 Бытописанія, сказанья,
 Давно-извѣстныя преданья
 На этотъ счетъ могу найти
 Тьму интересныхъ интермедій,
 Комедій, оперъ и трагедій;
 Въ трехъ дѣйствіяхъ или въ пяти.
 Ссылаться стану на извѣстный
 Какойнибудь такой журналъ,
 Который славой повсемѣстной

Давнымъ давно уже блисталъ.
 И въ подтвержденье, какъ прилично,
 Въ Севильѣ здѣлаю запросъ
 Тѣмъ, предъ которыми публично
 Вдругъ донъ - Жуана чортъ унесъ.

ССШ.

А можетъ быть придетъ то время,
 Когда я свергну риѣмы бремя,
 И къ подлой прозѣ низпущусь.
 Чтобъ нашихъ риѣмачей проказы
 Унять, тогда писать рѣшусь
 Литературные указы
 Все прозаическимъ перомъ.
 И тутъ — ужъ нѣтъ сомнѣнья въ томъ —
 Я, вникнувъ въ свой предметъ глубоко,
 Все что писали предо мной
 Въ подобномъ родѣ — за собой
 Оставлю назади далеко.
 Заглавье сочиненьямъ симъ
 Я дамъ: *Лонинъ на счетъ бутылки,*
 Или: *Искусство быть своимъ*
Аристотелемъ; и къ такимъ
 Твореньямъ я прибавлю ссылки,
 Чтобъ книгу тѣмъ обогатить,
 Чтобы завлечь новинкой, либо

Для поясненья текста, ибо
Иное должно пояснить.

ССІV.

„Имѣяй вѣру во Мильтона
„И въ Драйдена и въ Попа, ты
„Вордсвѣрта риѣмъ весносна стона,
„Кольриджа дивной красоты
„И Соути тако-жь да не славишь,
„Бо въ первомъ бредѣ, второй бо пьянъ,
„А сей надуть уму въ изьянъ.
„Да съ Краббомъ въ рядъ себя не ставишь;
„Но знай и то, что иногда
„У Кембля Иппокрепа ила,
„Такъ какъ стоячая вода,
„Исполнена. У Самуила
„Роджѣрса мысли и стиха
„И даже слова не укради;
„И съ Музой Мура бога-ради
„Не сотвори отнюдь грѣха.

ССV.

„Не пожелай Сотеби Феба,
„Его Пегаса — ни чего
„Что достояніе его
„Изь-за насущной корки хлѣба,
„Подобно сонму голубыхъ,

„Не приноси свидѣтельствъ ложно,
 „Понеже то тебѣ возможно,
 „Что предпишу въ строкахъ я сихъ.“
 Вотъ критики моей образчикъ.
 Я вашимъ мыслямъ не указчикъ;
 Вы можете — *ad libitum* —
 Корпѣть надъ ней, тирани умъ,
 Почтительно ей поклоняться
 Или, пожалуй, насмѣхаться.
 Въ послѣднемъ случаѣ, хотя
 Сердитесь, или не сердитесь,
 Я говорю вамъ не шутя:
 Вы за себя поберегитесь!
 Да, *sarperment*, мои друзья:
 Поберегитесь! бѣшенъ я.

CCVI.

А если бы имѣлъ кто дерзость
 Подумать, что безнравственъ я,
 Что книга будто бы моя
 Есть не простительная мерзость,
 Прошу того не кричать,
 Пока ему еще не больно
 Пускай въ другой разъ прочитать
 Попробуетъ — и мнѣ довольно.
 Посмотримъ, что-то скажетъ онъ,
 За что сердить, о чемъ хлопочеть,

За то-ль Жуана онъ норочить
 Что тотъ забавень и умень?
 Но есть ли дерзкіе такіе?
 Къ тому-же, должно помнить — тутъ
 Я покажу куда идутъ
 Въ двѣнадцатой главѣ всѣ злые.

ССVІІ.

Когда-жь кто будетъ ослѣпленъ,
 Когда какой нибудь повѣса,
 Съ забвеньемъ полнымъ интереса,
 Такъ глупо будетъ увлечень
 Понятемъ, предразсудкомъ ложнымъ,
 Что вздумаетъ найти возможнымъ
 Не вѣрить ни своимъ глазамъ,
 Ни предисловью, ни стихамъ;
 И если отъ предубѣжденья
 Воскликнетъ онъ: да гдѣ-жь мораль?
 Тогда — тогда, хотя мнѣ жаль,
 Что-жь дѣлать? ихъ я заблужденья
 Вамъ покажу. Мнѣ нужды нѣтъ
 Перо у нихъ, иль эполеть.

ССVІІІ.

Я жду себѣ рукоплесканій —
 Я увѣряю всѣхъ судей;

Что нѣтъ безнравственныхъ идей
 Во всемъ кругу моихъ писаній.
 Я знаю какъ соединять
 Въ поэмахъ нравственность съ забавой;
 Я очень помню, что съ приправой
 И горечь слаще — я какъ мать,
 Которая кораллы въ губы,
 Когда прорѣзываютъ зубы,
 Ребенку позволяетъ брать;
 Фиалковый я корень въ этомъ
 Даю читателямъ моимъ.
 Хоть есть тутъ и забава имъ,
 Но взявъ я нравственность предметомъ,
 И все же долженъ помнить свѣтъ,
 Что я эпическій поэтъ.
 А чтобъ иной не усомнился,
 Прочтя въ журналѣ мнѣ укоръ,
 Такъ подкупить ужь потрудился
 Я „Британическій Обзоръ.“

ССІХ.

Подарокъ я въ письмѣ доставилъ
 Къ издателю. И онъ меня
 Благодарилъ того-же дня
 По первой почтѣ. Я отправилъ
 Ему одинъ отрывокъ мой.
 Когда-бъ, забывъ такую плату,

Онъ вздумалъ мнѣ нанести утрату,
 И не медовою волной
 А желчною, свою всю душу
 На музу скромную излилъ
 Ну что тогда? — о, я не струшу!
 Тотчасъ бы всѣхъ я извѣстилъ,
 О нашемъ прежнемъ договорѣ;
 И публика-бъ узнала вскорѣ
 Когда и сколько я платилъ.

ССХ.

Къ рукоплесканіямъ готовый,
 Нахальство я пренебрегу.
 Теперь меня поддержитъ новый
 Союзъ священный. Я могу
 Давить ругателей докучныхъ
 И мять цѣнителей лихихъ;
 Теперь недѣльныхъ и насущныхъ
 И мѣсячныхъ и годовыхъ
 Наукъ все „Магазины“ смѣло
 Я вызову на бой. Но есть
 Вотъ тутъ бѣда, вотъ въ томъ и дѣло!
 Журналы тѣ, которыхъ честь
 Безъ подкупу, безграницы
 Я слышалъ, что отъ ихъ навѣтовъ
 Не избѣжать мнѣ никогда;
 Что Edimbourg Review поэтовъ

Терзаетъ крѣпко иногда;
 Что Quaterly Review всегда,
 Въ стихотворенья влившись жадно,
 Ошибки гложетъ безпощадно,
 Желая бѣднымъ намъ вреда.

ССХІ.

Non ego hoc ferrem ballidâ juventâ consule
 plano,

Сказалъ Горацій. Это взято
 Изъ древнихъ Флакковыхъ стиховъ.
 Смыслъ этой выноски таковъ,
 Что я въ былые дни, когда-то,
 За шесть или за семь годовъ,
 Когда, писавши, я не ставилъ
 На письмахъ: *сѣ Бренты береговъ*,
 Давно бы къ чорту всѣхъ отправилъ
 Я ѣдикъ критиковъ моихъ;
 Отбрить бы я порядкомъ ихъ.
 Тогда, въ тѣ пламенные лѣты
 Кипучей юности моей
 Я вдругъ готовъ былъ на отвѣты
 Моихъ препакостныхъ судей.
 Терпѣть немогъ я междометій
 Журнальныхъ, плоскихъ, площадныхъ.
 Бывало, вдругъ взбѣшусь на нихъ.
 Какъ королемъ Георгъ былъ III-й.

ССХІІ.

А вынче — вотъ ужъ въ 30 лѣтъ
 Я съ просьбою. Я отжилъ славно!
 Что будетъ въ 40! нужды нѣтъ —
 На всякій случай я недавно
 Хотѣлъ заказывать парикъ
 Свершилъ я скоро жизни дѣло!
 Какъ рано сердце устарѣло!
 Какъ рано я вполнѣ старикъ!
 И прежде дней послѣднихъ мая,
 Теперь живу я, отживая
 Всѣ силы лѣта моего
 Миѣ не осталось ничего!
 И защищать отъ нападеній
 Меня не въ силахъ прежній геній.
 Проценты жизни, капиталъ,
 Давнымъ-давно я промоталъ!
 Не вѣрю я мечтѣ любимой:
 Она прошла, мечта моя!
 Ужъ ни вовѣки душу я
 Не назову непобѣдимой.

ССХІІІ.

Конецъ! ужъ сердце никогда
 Не будетъ пить, съ тоскою жадной,
 Росы той свѣжей и прохладной,

Которую оно всегда,
 Прильнувъ къ цвѣтамъ, въ себя вливаетъ
 Изъ всего что мило намъ;
 Которая насъ увлекаетъ,
 Ко благороднѣйшимъ мечтамъ,
 Ко всѣмъ томительнымъ волненьямъ
 И къ новымъ, пылкимъ наслажденьямъ —
 Какъ будто - бы съ цвѣтовъ пчела
 Душистый, сладкій медъ пила.
 Вы мыслите, что медъ съ цвѣтами
 Растетъ и зрѣетъ? Нѣтъ! не въ нихъ,
 Нѣтъ — этотъ медъ, онъ въ насъ самихъ
 Власть наша вѣчно передъ нами
 Удвоить сладость всѣхъ цвѣтовъ,
 Всѣхъ ярко расписныхъ листовъ.

ССІV.

Конецъ, конецъ! исчезла младость!
 Погибло сердце! нѣтъ мечты!
 Моя вселенная и радость,
 Любовь — все поглощала ты
 Но заблужденій нѣтъ отнынѣ;
 Въ душѣ и въ сердцѣ — какъ въ пустынѣ
 Застыла пламенная кровь;
 Обмановъ нѣтъ; а ты, любовь?
 Теперь и слѣдъ твой истребился!
 Незнаю прелести твоей!

Разсудокъ въ головѣ моей!
 Богъ знаетъ какъ онъ помѣстился!

ССХV.

Любилъ я прежде красоту,
 Отчизну, мiръ; но въ сердцѣ льдяномъ
 Не ужились ови; я чту
 Супружество — мечтой, обманомъ;
 Меня не проведетъ оно.
 Не вѣрю я любви, надеждѣ;
 Короче отжилъ я давно
 И мнѣ не жить, какъ жилъ я прежде.
 Я пилъ бордо — мнѣ не даль рокъ
 Въ винѣ желаемого блага;
 Найду жъ себѣ иной порокъ:
 Я стану — богомольный скряга.

ССХVI.

Погибла слава, мой кумиръ,
 Отъ радостей и отъ болѣзни.
 Мой рокъ сказалъ мечтѣ: исчезни!
 Изчезъ очарованья мiръ.
 Заранѣ улетѣлъ мой геній,
 Веселостей не стало вдругъ;
 Оставшись съ скукою самъ-другъ,
 Я вынесъ много размысленій.

Бакона мѣдная глава
 Сказала: *время! время было!*
Не время! На его слова,
 Когда мнѣ стало все не мило,
 И я имѣю всѣ права.
 На роскошь, нѣгу и на радость
 Какъ рано расточилъ я младость!
 Она, сокровище мое,
 Исчезла прожилъ я ее!
 Мнѣ страсти сердце истощили,
 Мнѣ рѣшмы мозгъ мой изсушили.

ССХVII.

А слава насъ къ чему ведетъ?
 Что ни родилось — все умереть.
 А между тѣмъ все славой дышетъ:
 Ей жизнью жертвуетъ душой;
 Съ героемъ рѣжется герой;
 Кто проповѣдуетъ, кто пишетъ
 Тамъ по ночамъ не спитъ поэтъ,
 Льетъ масло въ старый свой кенкетъ.
 Грызетъ перо, ломаетъ руки,
 И задыхается отъ скуки;
 Но для чего? Для пользы? нѣтъ!
 Чтобъ гнусный заслужить портретъ,
 Или еще гнуснѣй — статую,
 На камнѣ надпись препустую.

Да въ книгахъ нѣсколько страницъ
Межь тысячью забытыхъ лицъ.

ССХХІІІ.

Надежды смертнаго какія?
Несправедливыя, пустыя!
Египта древняго одинъ
Самодержавный властелинъ,
Хеопсъ, воздвигнулъ пирамиду,
Какой нѣтъ въ мірѣ, чтобъ по виду
Потомки поклонялись ей.
Какой-то путникъ, изъ забавы,
Въ ней рылся и монарха гробъ
Расшибъ. И такъ за вѣки славы
Что поручиться вамъ могло-бъ?
Какой бы памятникъ отнынѣ
Намъ обѣщать безсмертье смѣлъ,
Когда въ египетской пустынѣ
Хеопсовъ гробъ не уцѣлѣлъ?

ССХІХ.

Что до меня, то отъ природы
Я, философію любя,
Всегда и даже въ прежни годы
Какъ нынче думалъ про себя:
„Всякъ смертенъ, матерью рожденный;

„И смертью человекъ скошенный
 „Травъ подобенъ луговой:
 „Свалившись, станетъ онъ землею,
 „А послѣ — дерномъ. Что же? смѣло!
 „Успѣлъ ты младость прогулять?
 „Но если бъ съ-изнова начать,
 „Ты вновь взялся-бъ за тоже дѣло.
 „И такъ судьбу благословляй:
 „Могло бы быть гораздо хуже!
 „Возьми-ко библию — читай,
 „Да набивай карманъ потуже!“

ССХХ.

Вотъ мысль всегдашняя моя.
 Теперь, о добрый мой читатель,
 И, о добрейшій покупатель,
 Поэтъ желаетъ, то-есть — я,
 Чтобъ не простились вы съ терпѣньемъ,
 Слуга покорный вамъ сказать
 И руку дружески пожать,
 Конечно съ вашимъ позволеньемъ.
 И такъ, прощайте! Добрый день!
 Коль вамъ понять меня не лѣнь,
 То повидаемся мы снова:
 Вторая книга ужъ готова.
 Изъ васъ однако жъ можетъ всякъ
 Ее забросить. Ваша воля.

О, славная была - бѣ намъ доля,
 Когда бы поступали такъ
 Мои любезные клеветы,
 Всѣ наши господа поэты.

ССХХІ.

„Лети-же книжечка моя,
 Тебя волнамъ вручаю я —
 И коль ты дивное творенье,
 То ты получишь прославленье.“
 Когда Вордсвортъ, когда Соутей
 Читателей имѣютъ много,
 Чего - же съ книжечкой моей
 Бояться мнѣ? но, ради Бога —
 Четыре первые стиха
 Принадлежатъ вполнѣ Соутею:
 Принять я на душу не смѣю
 Такого тяжкаго грѣха.